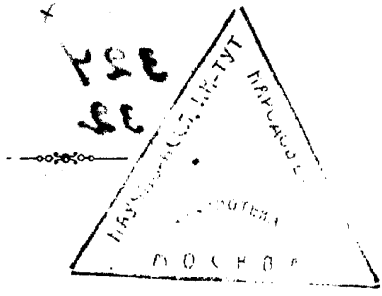
НА ПАМЯТЬ

о

БОДЯНСКОМЪ, ГРИГОРОВИЧѢ И ПРЕЙСѢ,

ПЕРВЫХЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЯХЪ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

И. И. Срезневскаго.

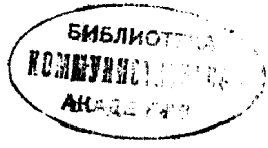

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1878.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ. Май 1878 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

324
32

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

НА ПАМЯТЬ

ОБЪ О. М. БОДЯНСКОМЪ, В. И. ГРИГОРОВИЧѢ И П. И. ПРЕЙСѢ.

ПЕРВЫХЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЯХЪ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Почти одновременно Академія Наукъ а вмѣстѣ съ тѣмъ и Русская научная литература лишились двухъ замѣчательныхъ сподвижниковъ ихъ дѣятельности, достойныхъ благодарной памяти современниковъ и потомства: 19 декабря 1876 г. скончался В. И. Григоровичь, а 6 сентября 1877 г. О. М. Бодянскій.

Какъ ни различны стали направленія ихъ занятій въ послѣдніе годы ихъ жизни и ожиданія людей науки отъ трудовъ каждаго изъ нихъ, многое заставляло всегда смотрѣть на нихъ, какъ на сподвижниковъ, идущихъ къ одной цѣли. Такими сподвижниками они показали себя съ перваго выступленія на путь научныхъ работъ.

Въ тѣ давно прошлые годы, когда они начали работать оба какъ люди молодые, былъ у нихъ и еще сподвижникъ шедшій по одному пути съ ними, не менѣе ихъ надежный и потому съ самаго начала дѣятельности привлекшій на себя уважительное вниманіе,— П. И. Прейсъ. Его давно не стало: онъ скончался 11 мая 1846 года.

Остается еще одинъ, послѣдній изъ этого случайно образовавшагося товарищества: на долю его досталось быть свидѣтелемъ передъ новыми поколѣніями о томъ, чѣмъ были въ своей дѣятельности его бывшіе сотоварищи. И онъ исполняетъ эту обязанность тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ, что не можетъ не чтить ихъ заслугъ независимо отъ всякихъ случайностей сближенія, какъ соучастниковъ въ одномъ общемъ дѣлѣ, не только первыхъ по времени, но и сильныхъ рвеніемъ.

---

26 іюля 1835 года утвержденъ былъ тотъ новый уставъ Русскихъ университетовъ, который, введши очень много новаго въ строѣ университетскаго научнаго быта, въ ряду другихъ новооткрытыхъ каѳедръ далъ мѣсто и каѳедрѣ Славянской филологіи, или, какъ въ уставѣ было названо, исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій. Тѣ, которые понимали нужды Русской науки, не могли не сознавать важности этой каѳедры, тѣмъ болѣе, что нѣсколько замѣчательныхъ Русскихъ дѣятелей своимъ личнымъ усердіемъ въ разработкѣ нѣкоторыхъ важныхъ задачъ Славянской филологіи въ связи съ задачами собственно Русской филологіи и археологіи уже успѣли доказать необходимость сравнительнаго изслѣдованія всего народно-Русскаго съ народно-Славянскимъ западнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и указать на кое-что очень занимательное въ западномъ Славянствѣ по словесности, народной и письменной, по научной дѣятельности, и проч. Ученыхъ, приготовленныхъ къ занятію этой новой каѳедры, не было, и потому министерство народнаго просвѣщенія предложило университетамъ выбрать молодыхъ людей, для этого пригодныхъ, и дать имъ средства приготовиться къ исполненію обязанности. Три университета, Московскій, Харьковскій и Петербургскій, а позже и еще одинъ, Казанскій, нашли возможность исполнить это предложеніе, и четыре молодыхъ труженика вышли на новый путь.

Двое изъ нихъ, послѣ домашняго свободнаго приготовленія, начали свои занятія прямо путешествіемъ по Славянскимъ зем-

лямъ. Двое другихъ нашли болѣе выгоднымъ, начать обязательныя занятія въ самой Россіи и затѣмъ уже отправиться въ западныя Славянскія земли. Одинъ изъ первыхъ двухъ былъ О. И. Бодянскій; двое другихъ были: П. И. Прейсъ и В. И. Григоровичь.

Я начну воспоминаніями объ этихъ двухъ какъ о ранѣе другихъ окончившихъ посѣщенія университетскихъ аудиторій.

I.

Петръ Ивановичъ Прейсъ родился въ 1810 году. Рано лишившись отца, бывшаго учителемъ музыки, онъ долженъ былъ принять самъ на себя обязанности собственнаго образованія и попеченій о матери. Тяжкій недугъ ея вызвалъ его въ Псковъ, гдѣ она тогда находилась, въ то время, когда ему было бы необходимо остаться въ Петербургѣ для окончанія курса наукъ въ университетѣ и для полученія первой ученой степени. И остаться въ Псковѣ онъ долженъ былъ такъ долго, что выйдти изъ университета со степенью кандидата онъ уже не могъ, не начиная вновь студентства съ первыхъ курсовъ. На это послѣднее онъ не рѣшился, хотя и былъ еще очень молодъ, едва 18-ти лѣтъ, сталъ искать себѣ прямо службы, и получилъ мѣсто младшаго учителя Русскаго языка въ Дерптской гимназіи: утвержденіе Прейса въ этой должности, съ Высочайшаго соизволенія, состоялось 12 мая 1828 г. Разъ поселившись въ Дерптѣ, Прейсъ остался въ немъ на цѣлые десять лѣтъ, до іюня 1838 г., и только за годъ передъ тѣмъ, будучи повышенъ въ должность старшаго учителя той же гимназіи, сталъ менѣе терпѣть отъ житейскихъ лишеній. Это не мѣшало ему однако, при усердномъ исполненіи обязанностей учителя, заниматься и дома, при помощи Дерптскихъ добрыхъ ученыхъ, изученіемъ языковъ древнихъ, а равно и Славянскаго, древняго и новаго Нѣмецкаго, и болѣе замѣчательныхъ научныхъ трудовъ особенно по Германской и Славянской Филологіи — въ обширномъ смыслѣ этого слова. Изъ трудовъ его, относящихся къ этому времени, извѣстны статьи: О Волохахъ Нестора (Журн. Мин. Нар. Просв. XIX: 213) и Изображеніе Чернобога въ Бамбергѣ по Шафарику (Жур. Мин. XVIII: 227). Своимъ добрымъ нравомъ, мирною прямотою отношеній, свѣтлымъ умомъ и основательными знаніями онъ пріобрѣлъ себѣ въ Дерптѣ

общее уваженіе людей науки, молодыхъ и старыхъ, какъ тамошнихъ такъ и пріѣзжихъ Русскихъ. Дружественно сблизился онъ тамъ и съ тѣми молодыми Русскими учеными, которые были приняты въ такъ называвшійся профессорскій институтъ, основанный въ 1828 г. Между ними было и нѣсколько воспитанниковъ Петербургскаго университета, въ послѣдствіи занявшихъ въ немъ профессорскія каѳедры. Эти молодые Русскіе ученые, сохранивъ уваженіе къ дарованіямъ, преданности наукѣ и знаніямъ Прейса и зная его научныя стремленія, не забыли о немъ, когда явилась возможность достойно удовлетворить потребности Петербургскаго университета и вмѣстѣ съ тѣмъ вывести самого Прейса на его прямую дорогу. Когда, въ слѣдствіе предложенія министра, Совѣтъ Петербургскаго университета долженъ былъ позаботиться о пріисканіи молодого ученаго, способнаго готовиться къ занятію новооткрытой каѳедры исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій, друзья Прейса представили его, какъ самаго способнаго, и Прейсъ былъ выбранъ единогласно. Попечитель округа и министръ со своей стороны одобрили выборъ. Прейсъ принялъ вызовъ съ благодарностью, но не совершенно безусловно. Въ то время, какъ и долго послѣ, приготовленіе къ занятію каѳедры и начиналось и заканчивалось путешествіемъ за границу въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ предполагалось устроить и приготовленіе къ занятію новооткрываемой Славянской каѳедры. Такой порядокъ въ отношеніи къ этой каѳедрѣ былъ даже пригоднѣе, чѣмъ ко всякой другой; но Прейсу онъ не показался пригоднымъ. Онъ находилъ необходимымъ, до путешествія по Славянскимъ землямъ, провести по крайней мѣрѣ годъ въ Петербургѣ, что бы предварительно потрудиться подъ руководствомъ Востокова, — и просилъ объ этомъ. Министръ народнаго просвѣщенія — это былъ С. С. Уваровъ — справедливо оцѣнилъ желаніе Прейса, и увольняя его отъ должности учителя Дерптской гимназіи, велѣлъ его причислить къ Петербургскому университету и поручить ближайшему надзору Востокова. Это желаніе Прейса рѣзко обозначаетъ его научныя убѣжденія и направленіе его дѣятель-

ности. Востоковъ былъ тогда, какъ остался и до конца жизни, лучшимъ знатокомъ древняго Славянскаго языка и письменной древности Славянской, лучшимъ изслѣдователемъ памятниковъ Славянскаго языка и самого языка по памятникамъ. Это понималъ Прейсъ, и не могъ не понуждаться въ наставленіяхъ Востокова— такъ же какъ понуждался бы въ наставленіяхъ Я. Гримма, если бы его дѣломъ было изученіе Германства а не Славянства. И Прейсъ нашелъ въ Востоковѣ наставника столько же и радушнаго, какъ сильнаго знаніемъ. Подъ его руководствомъ Прейсъ занимался памятниками хранящимися въ Императорской публичной библіотекѣ и въ Румянцевскомъ музеѣ около года. Въ то же время, въ часы свободы отъ занятій памятниками Славянскаго языка продолжалъ онъ изучать Славянскія древности въ связи съ иноплеменною но родственною Славянамъ древностью Германскою, и началъ занятія Литовскимъ языкомъ на сколько это было тогда возможно, по книгамъ. Какими произведеніями научнаго труда онъ занимался въ то время, видно отъ части изъ его статей о Нѣмецкихъ книгахъ по Славянской исторіи и древностямъ (Жур. мин. нар. просв. XXI: VI: 85—108. XXIII: VI: 219—236)[1]).

---

[1]) Передъ выѣздомъ заграницу, Прейсъ по порученію Факультета составилъ предположительный планъ путешествія, который, будучи одобренъ Факультетомъ и Совѣтомъ Университета, посланъ былъ на разсмотрѣніе министра, а министромъ переданъ Востокову, отъ котораго потребованъ былъ отзывъ не только о планѣ путешествія, но и объ успѣхахъ Прейса. Записка, излагавшая планъ путешествія, найдена была Востоковымъ «очень основательно написанною и совершенно соотвѣтствующею своему назначенію. Ему казался только срокъ путешествія не достаточнымъ: въ запискѣ назначенъ былъ годъ на путешествіе «по Пруссіи, Бранденбургіи, Силезіи, Саксоніи, Лузаціи, Моравіи и Богеміи», и полтора года на путешествіе «по Иллирійскимъ землямъ, Галиціи и царству Польскому»; Востоковъ думалъ, что «срокъ могъ бы быть и увеличенъ полугодомъ». Объ успѣхахъ занятій Прейса, Востоковъ выразился такъ: «При порученіи сего молодого человѣка моему руководству въ іюлѣ прошлаго 1838 г., я нашелъ его уже весьма хорошо приготовленнымъ, и потому мнѣ легко было руководить его къ пріобрѣтенію дальнѣйшихъ познаній ему нужныхъ. Онъ прилѣжно занимался въ И. П. Б—кѣ и въ Рум. Муз. по моему указанію чтеніемъ древнѣйшихъ Слав. рукописей и выписками изъ оныхъ, и надѣюсь, что въ сіи девять мѣсяцевъ онъ не мало пріумножилъ свой запасъ Славянскаго языкознанія».

Только уже осенью 1839 года Прейсъ началъ свое путешествіе по Славянскимъ землямъ, — и оно продлилось съ небольшимъ три года (съ сентября 1839 г. по декабрь 1842 г.). Путешествуя, онъ занимался смотря по обстоятельствамъ, или древними памятниками, или остатками древности и старины въ народѣ, или же живыми нарѣчіями. Какъ министру такъ и совѣту университета онъ посылалъ подробные отчеты о своихъ занятіяхъ и изслѣдованіяхъ. Отчеты эти, давая ясное понятіе о научной требовательности, руководившей Прейса во время путешествія, вмѣстѣ съ тѣмъ представили по изученію Славянства столь драгоцѣнныя сообщенія, что ими нельзя было не пользоваться какъ важнымъ пособіемъ. Не утратили они своего достоинства и теперь, не смотря на множество открытій по всѣмъ отраслямъ науки, въ нихъ затронутымъ. Такъ въ одномъ изъ отчетовъ Прейсъ даетъ свои выводы изъ наблюденій надъ Литовскимъ языкомъ, которымъ онъ продолжалъ заниматься въ Кенигсбергѣ; въ другомъ сообщилъ свѣдѣнія о нарѣчіи Кашебовъ или Кашубовъ, которымъ онъ занимался въ Данцигѣ и въ Берлинѣ, и за тѣмъ о занятіяхъ своихъ памятниками Польской старины въ Гнѣзнѣ и въ Познани; въ третьемъ представилъ свои соображенія объ именахъ языческихъ боговъ, занесенныхъ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ и въ нѣкоторые другіе памятники, и общіе выводы изъ этихъ соображеній, а за тѣмъ данныя о памятникахъ, имъ разсмотрѣнныхъ въ Галле, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Прагѣ; еще въ одномъ — о памятникахъ, которыми онъ занимался въ Вѣнѣ и объ отношеніяхъ между древнимъ Церковнославянскимъ и новымъ Болгарскимъ нарѣчіями; еще въ одномъ о глаголической письменности. Многіе изъ отчетовъ Прейса напечатаны въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія и высоко цѣнятся знатоками дѣла. Столько же цѣнились начитанность, наблюдательность и трудолюбивая изслѣдовательность Прейса и тѣми людьми науки, съ которыми онъ сближался во время путешествія. Составитель этой записки, путешествуя по Славянскимъ землямъ одновременно съ Прейсомъ и частію вмѣстѣ съ нимъ, можетъ лично свидѣтельствовать объ

уваженіи, которое Прейсъ оставлялъ всюду за собою, какъ ученый, столько же богатый запасами знаній и наблюденій, сколько и осторожный въ соображеніяхъ и выводахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ провели мы вмѣстѣ съ нимъ въ Прагѣ, сходясь съ Пражскими учеными. Всѣ они дорожили указаніями и мнѣніями Прейса. Шафарикъ между прочимъ обильно пользовался его извлеченіями изъ древнихъ Церковно-славянскихъ памятниковъ и указателями его къ Славянскимъ древностямъ самого Шафарика и къ нѣкоторымъ трудамъ Я. Гримма. Пользовался его указаніями и Челяковскій, и Палацкій, и нѣкоторые другіе. Ему и я обязанъ, какъ первому совѣтнику, узнаніемъ первыхъ пріемовъ, какъ заниматься древними рукописями. Вмѣстѣ съ нимъ я началъ и кончилъ путешествіе по Истріи, Далмаціи съ Черной горой и Хорватской землѣ, работая между прочимъ и надъ памятниками письменности, тамъ нами замѣченными. Вмѣстѣ съ нимъ думалъ я продолжать путешествіе и далѣе; но болѣзнь Прейса помѣшала исполненію этого предположенія — такъ-же какъ и составленію одного общаго нашего отчета о сдѣланномъ вмѣстѣ путешествіи (причина, по которой ни отъ него ни отъ меня не было отдѣльныхъ отчетовъ объ этой долѣ нашихъ заграничныхъ занятій). Болѣзнь Прейса, непокидавшая его со времени нашей разлуки въ Загребѣ, т. е. съ осени 1841 года, если развилась и не исключительно подъ вліяніемъ душевныхъ заботъ, то все таки отъ нихъ сильно зависѣла. Прейсъ сталъ задумываться все чаще, чѣмъ болѣе приближалось время его возвращенія домой. Какая судьба ожидала его безъ состоянія, безъ умѣнья считать копейки — и безъ той первой ученой степени, которая необходима для достиженія другихъ высшихъ и для полученія которой испытаніе становилось ему тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе обособлялъ онъ свои научныя работы! Профессоромъ онъ сдѣлаться не можетъ, и останется вѣчнымъ безкласнымъ и безгласнымъ лекторомъ. Зная по сравненію съ другими свои достоинства, онъ былъ гордъ и честолюбивъ; безвыходное, жалкое положеніе, безъ возможности сдѣлать шагъ въ передъ, его пугало и ослабляло. Еще при переселеніи изъ Дерпта въ Петербургъ и

потомъ передъ выѣздомъ за границу онъ хлопоталъ, чтобы ему было позволено держать экзаменъ прямо на степень магистра, а отъ него требовали предварительнаго испытанія на степень кандидата, т. е. изъ всѣхъ факультетскихъ предметовъ. Послѣднее рѣшеніе министра было: отправить Прейса въ чужіе края не подвергая его никакому испытанію; что же касается до освобожденія его отъ кандидатскаго экзамена, то министръ, не видя въ этомъ необходимости, предоставилъ себѣ сообразить сей вопросъ съ обстоятельствами, въ которыхъ Прейсъ будетъ находиться въ послѣдствіи, и съ правилами, какія по возвращеніи его будутъ по сему предмету въ дѣйствіи (Предложеніе 10 авг. 1839 г.). Извѣстно, что никакихъ правилъ, которыми бы могъ воспользоваться Прейсъ, не было издано. Увлекшись научными трудами, Прейсъ забылъ было обо всемъ подобномъ; но съ наступленіемъ послѣдняго полугодія его путешествія, воспоминанія ожили въ немъ тревожно и сокрушительно для его силъ, и безъ того ослаблявшихся непрерывнымъ трудомъ, да и вообще не очень надежныхъ. Преодолѣвая себя онъ сдѣлалъ еще поѣздку изъ Загреба въ Сербію, потомъ по Венгріи черезъ Новый Садъ, Пештъ и Шемницъ; но нигдѣ уже не могъ работать такъ, какъ работалъ прежде — въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Берлинѣ, Познани, Дрезденѣ, Прагѣ, Вѣнѣ, Тріестѣ, Дубровникѣ, Макарскѣ, Загребѣ. Болѣзнь не позволила ему воротиться къ сроку. Онъ пробылъ за границею еще болѣе полугода, — и все таки воротился больной.

Болѣзнь была виною, что и чтенія, вмѣсто начала января 1843 г. онъ началъ только во второй половинѣ марта. Успокоенный нѣсколько назначеніемъ порядочнаго оклада (1000 р.) съ званіемъ преподавателя и увлекшись приготовленіемъ университетскихъ чтеній, онъ по видимому оправился отъ болѣзни, и разъ начавъ чтенія, продолжалъ ихъ ревностно, незаботясь о здоровьи. Общій распорядокъ чтеній имъ предположенныхъ, — былъ имъ приготовленъ еще во время путешествія, и потому записка о немъ была имъ представлена въ факультетъ скоро по возвращеніи.

Чтенія свои онъ раздѣлилъ на три отдѣла:

1. Введеніе съ отвѣтами на вопросы: о древнѣйшихъ жилищахъ Славянъ въ Европѣ, объ ихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и повелителямъ, объ эпохѣ ихъ переселеній, ихъ причинахъ и слѣдствіяхъ, объ образованіи самостоятельныхъ Славянскихъ государствъ, о принятіи Славянами христіанства, о внутреннемъ бытѣ Славянъ — по положительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ и по выводамъ сравнительнаго изученія древностей Славянскихъ.

2. Историческое разсмотрѣніе каждаго изъ важныхъ народовъ Славянскихъ: Болгаръ, Сербовъ съ Хорватами, Хорутанъ, Чеховъ со Словаками, Поляковъ съ Балтійскими и Лужицкими Славянами—въ отношеніи къ судьбамъ политическимъ, языку и литературѣ.

3. Сравнительная грамматика Славянскихъ нарѣчій съ изложеніемъ главнѣйшихъ результатовъ сравнительной Филологіи вообще и отношеній Русскаго языка къ прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ.

Этотъ стройный, многообъемлющій и вмѣстѣ самостоятельный распорядокъ чтеній по каѳедрѣ новой, не давшей ничего ни для подражанія, ни для исправленія, не могъ не быть одобренъ Факультетомъ, и долженъ остаться памятникомъ въ исторіи Славянской Филологіи [1]).

Прейсъ не побоялся затруднить себя веденіемъ за разъ четырехъ курсовъ чтеній, т. е. всего, имъ назначеннаго, кромѣ сравнительной грамматики, вмѣсто которой долженъ былъ излагать Церковнославянскую грамматику для студентовъ не-Филологическаго Факультета: каждый годъ онъ излагалъ, кромѣ введенія, одному курсу исторію, литературу и нарѣчія южныхъ Славянъ съ грамматикой Церковнославянскаго языка; другому исторію и литературу Чехо-Славянскую; третьему исторію и литературу Польскую съ замѣчаніями о Лужичанахъ и Полабахъ. Мнѣ удалось слышать отзывы нѣкоторыхъ изъ лучшихъ слушателей

[1]) Болѣе полное изложеніе его сохранилось въ архивѣ университета.

Прейса: отзывы эти совершенно совпадали съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое Прейсъ оставилъ во мнѣ своимъ умомъ, живымъ и яснымъ, своими знаніями, искренностью и вмѣстѣ сдержанностью рѣчи. Онъ не производилъ восторга и не хотѣлъ этого, но умѣлъ возбуждать любознательность, и возбужденныхъ умѣлъ увлекать не собою, а дѣломъ [1]) Нельзя не скорбѣть, что ему не пришлось дѣйствовать долго.

Приготовленіе разнообразныхъ чтеній должно было требовать много времени; а между тѣмъ нужно было оно и на изслѣдовательныя работы, къ которымъ онъ привыкъ изъ давна, и на чтеніе вновь являвшихся произведеній по Славянству и по Филологіи средневѣковой.

Прейсъ трудился много. Многимъ запасался для выработки задуманныхъ трудовъ. Писалъ мало, кромѣ частныхъ замѣтокъ.

Черезъ полтора года послѣ возвращенія изъ путешествія, по ходатайству министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, сообразно съ мнѣніемъ комитета министровъ (13 и 27 іюля 1844 г.), соизволилъ «по вниманію къ особеннымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находится Прейсъ, дозволить ему подвергнуться испытанію прямо на степень магистра». То было новое успокоеніе для его души, новая забота для его труда. Прейсъ сталъ заниматься собираніемъ запасовъ для диссертаціи— особенно съ тѣхъ поръ, какъ окончилъ рѣчь, которую долженъ былъ произнести на университетскомъ торжественномъ собраніи 8 Февраля 1845 г. Рѣчь эта заключаетъ въ себѣ разсужденіе объ эпической народной поэзіи Сербовъ (напечатана въ книгѣ Акта Спб. унив. 1845 г. стр. 133—167). Предметомъ диссертаціи онъ избралъ Богумильскую ересь, и работалъ надъ нимъ неусыпно въ продолженіе всего 1845 года. Вопросъ о ереси Богумиловъ еще не былъ въ то время никѣмъ тронутъ, кромѣ тѣхъ

[1]) Отъ одного изъ слушателей я получилъ въ даръ Записки, сдѣланныя по чтеніямъ Прейса. Пересматривая ихъ теперь, слишкомъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ ихъ написанія, все таки видимъ въ нихъ достоинства изложенія, не общія и въ это послѣднее время.

историковъ, которые вносили въ свои сочиненія данныя объ Албигойцахъ. Изслѣдователю нужно было дѣлать очень разнообразныя изысканія, церковноисторическія и литературныя, читать многія произведенія богословскихъ писателей Греческихъ и Латинскихъ, доискиваться недостающаго или и новаго, непредполагаемаго въ рукописяхъ. Эти работы и увлекали Прейса и ослабляли его силы. Не успѣвъ довести свой трудъ до конца, онъ заболѣлъ; продолжалъ заниматься и больной, лежа, — и все болѣе слабѣлъ, видимо таялъ. Нѣсколько толстыхъ тетрадей труда его о Богумилахъ приготовлены были имъ на бѣло прежде нежели онъ лишился силы писать. Дѣло еще не было однако окончено, или по крайней мѣрѣ не было обработано окончательно, успокоительно для больнаго, и онъ старался пользоваться послѣдними усиліями. Друзья, посѣщавшіе его въ это время, за нѣсколько дней до смерти, заставали его за работой. Такъ, не дописавъ своего труда, который безъ сомнѣнія былъ бы драгоцѣннымъ вкладомъ въ научную литературу, Прейсъ умеръ — 11 мая 1846 г. Не стало вмѣстѣ съ нимъ и труда его о Богумилахъ: кто-то овладѣлъ имъ, до сихъ поръ безслѣдно, на первыхъ же порахъ послѣ его кончины.

Прейсъ умеръ тридцати шести лѣтъ отъ рожденія, въ томъ возрастѣ жизни и научной зрѣлости, когда отъ него можно было ожидать трудовъ необходимыхъ для дальнѣйшихъ успѣховъ науки. Бумаги, послѣ него оставшіяся, перешли въ руки его близкаго товарища М. С. Куторги. Незначительная часть ихъ перешла въ собственность Академіи; почти все другое лежитъ не тронутое, неизвѣстное. Говорю почти все, а не все, потому что очень многія замѣтки, малаго и не малаго объема, при продажѣ книгъ его библіотеки, достались тѣмъ, кто купилъ книги, въ которыя онѣ были вложены. Взявъ во вниманіе то, что изъ его бумагъ стало хотя кому нибудь доступно, и то, о чемъ съ достовѣрностью по несомнѣннымъ даннымъ можно сказать какъ о написанномъ имъ, должно внести въ списокъ ихъ слѣдующее:

— Вымѣтки и выписки изъ рукописей, имъ разсмотрѣнныхъ

до выѣзда за границу въ Петербургѣ и потомъ за границей преимущественно въ Прагѣ и Вѣнѣ, съ описаніями рукописей. О нѣкоторыхъ изъ нихъ упомянуто имъ въ отчетахъ; на другія есть у него ссылки въ словарныхъ выпискахъ; нѣкоторыя остались на листкахъ въ книгахъ его — въ томъ числѣ и въ купленныхъ мною.

— Собранія словъ на карточкахъ и въ тетрадяхъ: — по Церковнославянскому языку — особенно изъ рукописей Сербскихъ и такъ называемыхъ средне-Болгарскихъ; — по Сербскому народному — изъ пѣсенъ и пословицъ; по Болгарскому—изъ новыхъ печатныхъ книгъ; — по именослову мѣстъ, лицъ и народовъ разныхъ Славянъ — изъ различныхъ источниковъ, между прочимъ и изъ народныхъ пѣсенъ.

— Библіографическія замѣтки на карточкахъ и въ тетрадяхъ касательно источниковъ и изслѣдованій по Славянскимъ древностямъ, исторіи, литературѣ, народной поэзіи и т. п.

— Черновыя тетради отчетовъ министру нар. просв. и совѣту университета, и отчеты переписанные на бѣло и посланные — послѣднія въ архивахъ министерства и университета.

— Записки по курсамъ университетскихъ чтеній.

— Черновыя тетради изслѣдованія о Богумильской ереси— если не всѣ, то хоть нѣкоторыя, или по крайней мѣрѣ выписки изъ источниковъ, по которымъ дѣлались изслѣдованія.

— Переписка, т. е. по крайней мѣрѣ письма писанныя Прейсу и дѣловыя бумаги имъ полученныя. (Прейсъ берегъ письма, къ нему написанныя, и во время путешествія; тѣмъ легче было ему сохранять ихъ послѣ. Между письмами должны быть и отъ ученыхъ Славянскихъ и Нѣмецкихъ, между прочимъ и научнаго содержанія).

Нельзя не желать, чтобы все, уцѣлѣвшее отъ Прейса, было собрано и сдѣлалось собственностью какого-нибудь государственнаго учрежденія, Академіи Наукъ, Императорской Публичной библіотеки или другого подобнаго. Все это дорого, какъ память о замѣчательномъ научномъ дѣятелѣ, одномъ изъ первыхъ —

если не по времени, то по достоинству — учениковъ Востокова, умѣвшемъ соединить въ себѣ уваженіе къ заслугамъ другихъ и полную самостоятельность мысли и работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ научно важный источникъ свѣдѣній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть ничѣмъ незамѣнимый. Собственныя письма Прейса дороги еще и потому, что даютъ понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ, глубоко нравственномъ, добромъ по природѣ и по выработкѣ характера въ помыслахъ и въ дѣйствіяхъ.

II.

Викторъ Ивановичь Григоровичь родился въ 1815 году въ Балтѣ, воспитывался до восьми лѣтъ дома—подъ болѣе сильнымъ вліяніемъ матери Польки, чѣмъ отца, Малорусскаго помѣщика, чиновника, а потомъ въ Уманскомъ уніатскомъ училищѣ, подъ вліяніемъ монаховъ василіанъ. Юношею по 16-му году вступилъ онъ въ студенты Харьковскаго университета по словесному факультету, и оставшись въ немъ три года, окончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ въ 1833 г. Скромный, застѣнчивый, можно сказать, боязливый, онъ хотя и не удалялся отъ товарищей, но сближался съ очень немногими изъ нихъ, и даже сблизившись оставался робкимъ въ отношеніяхъ съ ними, какъ будто скрытнымъ, недовѣрчивымъ. Это была недовѣрчивость не къ товарищамъ, а къ самому себѣ, къ каждому своему поступку, къ каждому слову. Такимъ онъ былъ и въ той семьѣ, гдѣ по близости съ сыномъ доброй матери былъ принятъ родственно радушно. Еще рѣзче выказывалась эта сторона его нрава въ отношеніяхъ къ профессорамъ; передъ ними онъ былъ еще болѣе робокъ: нерѣшительный, постоянно сомнѣвающійся въ отвѣтахъ, онъ не рѣдко выказывалъ на испытаніи даже полное незнаніе того, что зналъ и зналъ лучше другихъ. Эта особенность его нрава, происшедшая можетъ быть отъ воспитанія, была главною причиною неблистательнаго окончанія имъ университетскихъ курсовъ, тогда какъ товарищи его пользовались его помощью, чтобы выдерживать испытанія съ большимъ, чѣмъ онъ, успѣхомъ. Не только профессорамъ, но и товарищамъ, кромѣ двухъ-трехъ, не была извѣстна его склонность увлекаться историческими и поэтическими образами, складностью и звучностью рѣчи, особенно стиховъ.

Осталась почти неизвѣстною и его любознательность, дававшая ему такія свѣдѣнія внѣ круга факультетскихъ предметовъ, какихъ никто изъ его товарищей не имѣлъ. Вѣроятно эта любознательность съ желаніемъ большихъ успѣховъ повлекла его въ Дерптскій университетъ, гдѣ его ожидала, между прочимъ, возможность освоиться болѣе съ Греческимъ языкомъ и Греческою литературою, чего онъ не могъ достигнуть въ Харьковскомъ университетѣ по слабости преподавателя. Ожидала его тамъ и возможность ознакомиться съ Нѣмецкой философіей, которая въ Харьковѣ уже издавна была не въ ходу, уступивъ свое мѣсто философіи Шотландской и Французской, и проникала въ умы молодежи только изъ случайно попадавшихся ей подъ руку книгъ — и то не столько въ своей новѣйшей Гегелевской постановкѣ, сколько въ Шеллинговской. Григоровичь увлекся философіей Гегеля. Въ Дерптѣ онъ получилъ степень кандидата и сблизился съ нѣкоторыми изъ молодыхъ Русскихъ ученыхъ, приготовлявшихся къ професорскому званію, всего болѣе съ И. Я. Горловымъ, умѣвшимъ оцѣнить его внутреннія достоинства. И. Я. Горловъ, сдѣлавшись професоромъ Казанскаго университета, былъ главнымъ виновникомъ и того, что въ Казанскомъ университетѣ нашлось мѣсто и Григоровичу, прежде всего какъ преподавателю Греческаго языка, въ 1839 г. Уже не Греціей однако увлекался онъ душою въ то время. Онъ пользовался знаніемъ Греческаго языка, какъ средствомъ для жизни; а любознательность его витала въ другомъ мірѣ, въ Славянскомъ. Григоровичь занялся Славянствомъ еще въ Дерптѣ. Знаніе Польскаго языка, которое онъ усвоилъ съ дѣтства, само по себѣ было слишкомъ незначительно, какъ притягательная сила для его перехода изъ древняго міра въ Славянскій; занятія въ Дерптѣ сами по себѣ такъ же не могли дѣйствовать на его душу въ этомъ отношеніи. Всего легче могло быть это слѣдствіемъ вліянія такого труженика, преданнаго занятіямъ Славянской филологіи, какимъ былъ въ то время въ Дерптѣ П. И. Прейсъ; но едва ли они были даже знакомы другъ съ другомъ, не только близки.

Какъ бы то ни было, только Григоровичь и вызванъ былъ въ Казань для приготовленія себя къ занятію каѳедры исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій, занимался въ Казани Славянствомъ, приготовлялся къ испытанію на степень магистра по Славяно-Русской филологіи, изучалъ подробности древней Славянской литературы для диссертаціи на эту степень. Она вышла подъ названіемъ: «Опытъ изложенія литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ, часть I: 1 и 2 эпохи» (напечатана въ Учен. Запискахъ Казанскаго университета: 3-я книга 1842 г. и отдѣльно въ 1843 г.). Это было явленіе очень замѣчательное для своего времени. До его выхода въ свѣтъ былъ изданъ только одинъ трудъ такого рода: Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, П. Шафарика, вышедшее въ свѣтъ въ 1826 году, слишкомъ за четверть вѣка передъ тѣмъ, могшее для Григоровича быть важнымъ только по соображенію открытій, сдѣланныхъ до 1825 года. Григоровичь долженъ былъ самъ трудиться для отысканія свѣдѣній, обнародованныхъ послѣ книги Шафарика, и успѣлъ найдти почти все, что было нужно. Можетъ быть Григоровичь даже и книги Шафарика не имѣлъ подъ рукою, такъ какъ ни разу не сослался на нее, и слѣдовательно долженъ былъ выработать свой трудъ при значительно бо́льшихъ усиліяхъ подбора данныхъ изъ частныхъ пособій и изъ источниковъ. Пособій у него было много, и все такія, на которыя нельзя было не положиться, между прочимъ и сочиненія Шафарика, позже вышедшія, Мацѣевскаго, Копитара, Вишневскаго и другихъ западно-Славянскихъ изслѣдователей, а равно и Русскихъ. Двумя особенными чертами отличается опытъ Григоровича отъ другихъ Русскихъ и не Русскихъ трудовъ по исторіи литературы того и прежняго времени. Во первыхъ онъ оживленъ философскимъ направленіемъ, въ силу котораго всѣ явленія, взятыя во вниманіе, представлены не только въ систематически стройномъ порядкѣ, но и философски развитою связью причинъ и послѣдствій. Во вторыхъ, въ этомъ опытѣ литература Славянъ представлена не отдѣльно сама по себѣ, а въ связи съ политическими судьбами народа и вмѣстѣ съ

тѣмъ въ связи съ ходомъ событій политическихъ и литературныхъ въ другихъ странахъ Европы. Кромѣ того она замѣчательна и по подбору данныхъ о важнѣйшихъ древнихъ памятникахъ, тогда извѣстныхъ, и объ особенностяхъ ихъ языка. Опытъ доведенъ до конца XIV вѣка, и временемъ раздѣла двухъ «эпохъ» какъ назвалъ сочинитель, взята половина XI вѣка.

Покончивъ съ магистерскою степенью, Григоровичь приглашенъ былъ читать лекціи въ университетѣ по Славянской каѳедрѣ и читалъ годъ — съ осени 1843 до лѣта 1844 года. Уже приготовленный домашними учеными занятіями и выработкою своихъ знаній для своихъ слушателей, Григоровичь отправился въ путешествіе по Славянскимъ землямъ. Проѣздомъ черезъ Харьковъ онъ остановился въ немъ, и мы сошлись, какъ товарищи, уже подвизавшіеся на новооткрытой каѳедрѣ. Мы были знакомы и прежде, когда онъ былъ близкимъ товарищемъ моего брата по студенчеству, и былъ у насъ принятъ какъ родной. Затѣмъ мы сблизились болѣе, когда онъ, уже выдержавши испытаніе на степень магистра Славянской филологіи, ѣздилъ черезъ Харьковъ на родину, и по возвращеніи въ Казань долженъ былъ начать свои Славянскія чтенія. Тогда мы лучше поняли другъ друга, и я не могъ не оцѣнить его, какъ увлеченнаго труженика науки, очень начитаннаго и много думавшаго. Теперь явился онъ мнѣ еще въ новомъ свѣтѣ, какъ ученый, предпринимающій путешествіе со строго обдуманною цѣлію, понятою совершенно самостоятельно, совершенно отличною отъ тѣхъ цѣлей, какія имѣли въ виду всѣ мы другіе, прежде него ѣздившіе въ Славянскія земли, важною, тяжело исполнимою, но для его рѣшимости неизмѣнною.

Онъ выбралъ для своего путешествія путь открытій памятниковъ, остававшихся никому неизвѣстными, и потому рѣшился начать путешествіе съ земель Турецкихъ. И долго послѣ путешествіе для Русскаго по Турціи было затруднительно; тяжело оно было въ то время. Тяжелѣе, чѣмъ кому оно должно было быть для Григоровича, робкаго, нерѣшительнаго, ненаходчиваго. Такимъ оно и было.

Онъ вытерпѣлъ столько, что его ненапрасно «мученикомъ» называлъ послѣ Надеждинъ, съ которымъ онъ встрѣчался на пути раза два или три. Нѣкоторыя черты своихъ страданій онъ отмѣтилъ въ своихъ отчетахъ университету, которые потомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ появились отдѣльною книгой подъ названіемъ Очерка путешествія по Европейской Турціи (и въ 3-й книжкѣ Ученыхъ Записокъ Казанскаго университета за 1848 годъ). Но страдалъ онъ ненапрасно: онъ домогся таки до памятниковъ, никѣмъ изъ изслѣдователей дотолѣ невидѣнныхъ и никому неизвѣстныхъ, сдѣлалъ описи ихъ, вымѣтки изъ нихъ, а нѣкоторые и пріобрѣлъ въ собственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ собралъ такъ же, какъ новости, много свѣдѣній мѣстныхъ—частію о народѣ и народныхъ преданіяхъ, частію о разныхъ мѣстностяхъ, важныхъ для древней исторіи Славянъ и для Славянскаго языка. Книга его о путешествіи по Турціи остается и вѣроятно еще на долго останется важнымъ источникомъ первоначальныхъ свѣдѣній по политической исторіи, по исторіи христіанства и письменности, по палеографіи и дипломатикѣ южныхъ Славянъ. Путь его изъ Одессы и Константинополя направился въ Солунь, въ монастыри Аѳонской горы, Битоль, Охриду, монастырь св. Наума на Охридскомъ озерѣ, Слѣнченскій монастырь, Трескавецкій монастырь, Велесъ, Серетъ, Рыльскій монастырь, Софію, Филиппополь, Казанлыкъ, Шипку, Габрово, Терново, Свиштово, Рущукъ. Въ свой «Очеркъ» Григоровичь внесъ очень много драгоцѣнныхъ указаній, которыми нельзя не пользоваться какъ важнымъ источникомъ. Дальнѣйшее путешествіе Григоровича по Валахіи, Венгріи, въ Вѣну и изъ нея въ Краину, Венецію, Далмацію и Черногорію, изъ Далмаціи въ Кроацію и Славонію и опять въ Вѣну, потомъ въ Моравію и Чехію, хотя и продолжалось довольно долго, не было и не могло быть такимъ важнымъ по послѣдствіямъ какъ путешествіе по Турціи: Григоровичь останавливался большею частію въ городахъ и въ нихъ обозрѣвалъ важные памятники, сближался съ учеными и съ мѣстными наблюдателями, запасался рѣдкими книгами, останавливался на нѣкоторыхъ за-

мѣчательныхъ рукописяхъ, частію и на нѣкоторыхъ особенностяхъ мѣстныхъ нарѣчій; но едва ли не болѣе былъ полезенъ другимъ своими сообщеніями, чѣмъ самъ пользовался ихъ сообщеніями. Нѣкоторыя изъ его сообщеній были напечатаны въ Западно-Славянскихъ изданіяхъ: Болгарскія пѣсни, имъ сообщенныя, изданы въ Хорватскомъ повременникѣ «Kolo» 1847 года (IV: 37—56, V: 24—57); свѣдѣнія и изслѣдованія о Климентѣ Болгарскомъ въ Чешскомъ Časopisu Českého Museum 1847 года (I: 508—521), и др. Въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ П. П. Шафарика (какъ на пр. въ изслѣдованіи о мѣстныхъ названіяхъ Болгарскихъ (Čas. Čes. Mus. 1847, II: 572) видны слѣды свѣдѣній, сообщенныхъ Григоровичемъ.

Онъ воротился въ Россію весною 1847 года, пробывъ въ путешествіи за границей нѣсколько болѣе $2^1/_2$ лѣтъ. Въ Петербургѣ мы опять сошлись, и видались, какъ въ Харьковѣ, почти ежедневно. Онъ уже не былъ такъ застѣнчивъ, какъ былъ прежде, и сталъ гораздо болѣе сообщителенъ, хотя иногда и съ недовѣрчивостью — то къ самому себѣ, то къ другимъ. Собранныя имъ сокровища онъ не скрывалъ, даже позволялъ ими пользоваться. По его рукописямъ я почти что началъ заниматься глаголическою письменностью и при этомъ пользовался его указаніями и объясненіями. Онъ съ радостною готовностью, можно сказать, съ увлеченіемъ отвѣчалъ на всѣ распросы и самъ вызывалъ вопросы на отвѣты, по которымъ былъ богатъ свѣдѣніями. Онъ былъ преданъ глаголицѣ какъ религіозной святынѣ, готовъ былъ всякого вводить въ ея таинства. Не ею впрочемъ одною занятъ былъ умъ его. Не съ меньшимъ увлеченіемъ онъ высказывалъ и свои домыслы о древнѣйшемъ времени литературной дѣятельности Славянъ — особенно въ Болгаріи, и свои взгляды на новѣйшіе изслѣдовательные труды по этому предмету западно-Славянскихъ и Русскихъ ученыхъ, воздавая каждому свое. Часть его разысканій, сюда относящихся, издана тогда же (въ Журналѣ мин. нар. просв. 1847: Изысканія о Славянскихъ апостолахъ въ Европейской Турціи). Кромѣ этого занимали его

умъ и нѣкоторыя другія стороны историко-литературныхъ изслѣдованій, и между другимъ, болѣе всѣхъ другихъ связи Византійской Греціи со Славянствомъ и Византійская древность и исторія вообще. Это было мнѣ тогда почти совершенно чуждо и становилось дорого — по увлеченію, оживлявшему его бесѣду объ этомъ, по огромному запасу его знаній, по смѣлости соображеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по труду надъ нѣкоторыми Византійскими памятниками совмѣстно съ Н. И. Надеждинымъ. Часть его работъ этого отдѣла появилась въ печати (въ Журналѣ мин. нар. просв. 1847: Протоколы Константинопольскаго патріархата).

Въ томъ же 1847 году Григоровичъ приступилъ въ Казани къ чтеніямъ по своей каѳедрѣ, и сколько мнѣ извѣстно, одновременно читалъ и о древностяхъ и о литературѣ Славянъ, занимая при томъ слушателей какъ чтеніями образцовъ древняго и новаго языка, такъ и разборомъ древнихъ памятниковъ по подлинникамъ и снимкамъ приготовлявшимся самими слушателями. И въ Казани какъ и въ другихъ университетахъ того времени отъ очень и очень немногихъ можно было ожидать хоть небольшой рѣшимости заниматься изученіемъ Славянства какъ дѣломъ научно важнымъ; тѣмъ не менѣе Григоровичъ своимъ личнымъ увлеченіемъ, своею готовностью всякому желающему заняться помогать всѣмъ, чѣмъ только могъ, привлекалъ слушателей не только къ себѣ но и къ предметамъ, его занимавшимъ. Въ концѣ 1848 г. по особеннымъ обстоятельствамъ Григоровичъ переведенъ былъ профессоромъ въ Московскій университетъ и остался тамъ слишкомъ годъ; а за тѣмъ опять воротился въ Казань, гдѣ и оставался до 1864 г., преподавая Славянскую филологію по той программѣ, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія, по которой введено было преподаваніе этого предмета въ Петербургѣ еще въ 1847 году, но совершенно самостоятельно какъ относительно частностей содержанія, такъ и относительно убѣжденій.

Не лишнимъ будетъ дать здѣсь мѣсто нѣсколькимъ небольшимъ выдержкамъ изъ воспоминаній о Григоровичѣ какъ преподавателѣ Казанскомъ. Одно изъ нихъ, и сочувственное и вмѣстѣ

безпристрастное (Древ. и Нов. Россія. III: 11: 75) даетъ свѣдѣнія о Григоровичѣ, какъ о преподавателѣ начинающемъ:

«Григоровичь началъ читать свои лекціи по Славянскимъ нарѣчіямъ третьему курсу словеснаго факультета. Онъ ознакомилъ насъ съ этнографіей и весьма кратко съ исторіей Славянскихъ народовъ, и потомъ изложилъ въ главныхъ чертахъ особенности языковъ Чешскаго, Сербскаго, Болгарскаго, Лужицкаго и Хорватскаго. Для переводовъ онъ выбиралъ статьи и отрывки преимущественно изъ народной поэзіи. Студентамъ, желавшимъ ближе познакомиться со Славянскими языками, онъ охотно давалъ книги изъ своей библіотеки. Изъ бывшихъ на нашемъ курсѣ одиннадцати человѣкъ только двое-трое интересовались лекціями Григоровича и онъ радовался даже этому скудному числу внимательныхъ слушателей.... Непривлекательная внѣшность чтенія вполнѣ и съ лихвой искупалась внутреннимъ достоинствомъ его лекцій. Онъ читалъ съ искреннею любовью къ своему предмету, съ полной готовностью дѣлиться со своими слушателями всѣми своими знаніями и помочь имъ въ занятіяхъ. Онъ относился къ студентамъ, какъ къ любимымъ товарищамъ, искренно радовался каждому, даже незначительному ихъ успѣху. Скромность и добросовѣстность истиннаго ученаго проявлялась въ каждой его лекціи, даже можно сказать въ каждой его фразѣ. Если ему случалось, припоминая что на лекціи, сдѣлать какую-нибудь ошибку, онъ на слѣдующій разъ объявлялъ о томъ слушателямъ, откровенно сознаваясь въ промахѣ. У себя онъ принималъ каждого студента радушно, снабжалъ его книгами, давалъ совѣты въ занятіяхъ, съ полной готовностью дѣлалъ для него все, что могъ сдѣлать».

Подобные отзывы о Григоровичѣ случалось мнѣ слышать и послѣ отъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ его слушателей — между прочимъ и отъ тѣхъ, которые, перейдя въ здѣшній университетъ, становились моими слушателями: ихъ уваженіе къ нему выражалось въ нихъ между прочимъ и въ бережи, съ какою сохраняли они записки по его курсамъ и особенно его собственноручныя замѣтки.

Григоровичь занималъ своихъ слушателей и палеографиче-

скими работами. Читалъ ли онъ въ университетѣ цѣльный курсъ палеографіи, мнѣ неизвѣстно; но, приглашенный именно для этого Духовною академіей, онъ преподавалъ Славянскую палеографію студентамъ Академіи въ продолженіи двухъ лѣтъ. Вотъ что между прочимъ сообщилъ объ этомъ И. Я. Порфирьевъ (Правосл. Соб. 1877: I: 78):—Григоровичъ преподавалъ палеографію въ Духовной академіи (въ 1854—1856 гг.) безмездно. Для миссіонерской цѣли, конечно, достаточно было сообщить студентамъ только самыя простыя и краткія палеографическія свѣдѣнія; но В. И. придалъ своему преподаванію болѣе широкія рамки, чѣмъ требовалось указанною цѣлію. Онъ хотѣлъ не только научить студентовъ пользоваться старинными рукописями и книгами важными въ полемическомъ отношеніи, но и приготовить ихъ вообще къ разбору, изученію и изданію памятниковъ древне-Славянской письменности, и потому читалъ палеографію подробно въ связи со Славянскими нарѣчіями вообще и особенное вниманіе обращалъ на древне-Славянскій языкъ [1]). Что касается до характера преподаванія

---

[1]) И. Я. Порфирьевъ сообщилъ и извлеченіе изъ программы В. И. Григоровича: — «1. Замѣчанія о письменности Славянъ вообще. Черты, рѣзы. Глаголита. Кириллица. Связь спора о кириллицѣ и глаголитѣ съ вопросомъ объ органическомъ образованіи древне-славянскаго языка. Возможность рѣшить этотъ вопросъ на основаніи палеографіи. Труды ученыхъ славянистовъ основаны преимущественно на палеографіи: I. Добровскій, А. Х. Востоковъ, митр. Евгеній, Копитаръ, Шафарикъ и Миклошичъ. Изданія палеографическія. 2. Рукописи глагольскія и кирилловскія 1-го разряда. Отличія глаголиты отъ кириллицы. Знаки на древнѣйшихъ рукописяхъ; ударенія; просодія. Откуда вышли древнѣйшія рукописи? Замѣчанія о Болгарскомъ языкѣ; чтеніе Болгарское. 3. Рукописи со знаками ъ и ь, смѣшиваніе ж и а, ѣ и ѧ; съ какихъ рукописей онѣ переписаны? Ихъ древность. Іотированье, удареніе. Предположеніе, что древній Славянскій языкъ есть Хорутанскій (Паннонскій), Сербскій, Болгарскій. Замѣчанія о Сербскихъ и Хорутанскихъ звукахъ. Чтеніе Сербское. 4. Рецензіи. Болгарская средняя рецензія. Попытка возстановить древнѣйшую рецензію въ Терновѣ; ударенія. Сербская рецензія; чтеніе Сербское. 5. Когда возникла Болгарская средняя рецензія, когда Сербская? Русская рецензія; ея древность; слѣды ея въ Остромировомъ евангеліи, въ Сборникѣ Святослава. Ея признаки. Могла ли быть еще рецензія Южно-Русская, Чешская?... Чтеніе Чешское. 6. Способъ опредѣлять древность и мѣстность рукописей. Начертаніе, употребленіе буквъ.... Чтеніе Польское. Угровлахійскія рукописи.

В. И. и его вліянія на студентовъ, то объ этомъ излишне было бы распространяться: кто зналъ В. И., для котораго не было въ жизни ничего дороже и важнѣе его науки и который въ ея преподаваніе вносилъ всю силу своей страстной любви къ ней, тотъ можетъ представить, какое сильное впечатлѣніе на студентовъ производили его лекціи... Нѣкоторые студенты такъ сильно заинтересовались палеографіей и Славянскими нарѣчіями, что пожелали изучать ихъ спеціально и предпочитали многимъ другимъ предметамъ.... Въ тоже время онъ своимъ преподаваніемъ возбудилъ въ молодомъ поколѣніи Академіи интересъ и къ Славянской наукѣ вообще и развилъ въ немъ вкусъ къ памятникамъ древне-Славянской письменности».

Часть его чтеній и нѣкоторые изъ памятниковъ, на которые онъ обращалъ вниманіе въ чтеніяхъ, появлялись въ Московскихъ и Петербургскихъ повременныхъ изданіяхъ и въ Казани. Прежде другихъ вышли: Памятники XV вѣка (Временникъ 1850: V), Чтеніе о древней письменности Славянъ (въ присутствіи министра 17 сент. 1857 г. Журн. мин. нар. просв. 1852: 3), Записка о древнѣйшихъ памятникахъ церковно-Славянскихъ (Извѣстія 2-го Отд. Импер. Акад. Наукъ 1: 86—), Статьи касающіяся древняго Славянскаго языка (Казань 1852), гдѣ, кромѣ рѣчи о значеніи церковно-Славянскаго языка, и выше отмѣченной Записки, помѣщенъ обзоръ трудовъ касающихся древняго Славянскаго языка, а за тѣмъ предварительныя свѣдѣнія о литературѣ Церковно-Славянской. Эта статья была особенно важна въ то время и не потеряла значенія до сего времени — по самостоятельному взгляду на глаголицу, которая въ то время никому не была и не могла быть такъ хорошо извѣстна какъ Григоровичу, пользовавшемуся своими драгоцѣнными руко-

---

7. Уставъ и его время, его происхожденіе. Полуустав. Скоропись. Матеріалы, на которыхъ писали. Палимпсесты. Что такое книга, буквы, дъска, скрижаль? Переходъ къ книгопечатанію. Глаголитское и кирилловское книгопечатаніе; буквица. Важность первопечатныхъ книгъ для палеографіи. Болгарская, Сербская, Русская рецензія первопечатныхъ книгъ... Чтеніе Сербское и Чешское».

писями — тогда какъ другимъ изслѣдователямъ, кромѣ немногаго изданнаго и того, что сообщено было самимъ Григоровичемъ, неизвѣстными оставались и тѣ глаголическія памятники, которые хранились въ западно-Европейскихъ хранилищахъ. Въ 1853 году вышло его описаніе глаголическаго четвероевангелія съ выписками (Извѣстія. II: 241). Въ 1854 году вышло его изданіе Посланія Рус. митрополита Іоанна II — въ Греческомъ подлинникѣ (Ученыя Записки 2-го Отд. Акад. Наукъ 1).

Къ 1858 году относится его превосходная рѣчь о Сербіи и отношеніяхъ къ ней сосѣднихъ державъ преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ (изд. въ Казани въ 1859 г. см. о ней въ Изв. VIII: 122). О другихъ трудахъ и нѣкоторыхъ предметахъ своихъ изслѣдованій того времени онъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія въ особенномъ письмѣ (которое тогда же мною издано въ Извѣстіяхъ VII: 219—223).

Въ 1862 г. Григоровичь издалъ въ Казани Древне-Славянскій памятникъ, дополняющій житіе Славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія, т. е. каноны имени ихъ съ примѣчаніями (другое изданіе вышло въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ 1865 г.: стр. 235 и ц.).

Въ 1863 г. литографически изданы нѣкоторыя части его университетскихъ лекцій: о Славянскихъ нарѣчіяхъ и о церковно-Славянскомъ языкѣ.

Въ 1864 г. Григоровичь перешелъ на службу въ Одессу въ новый Новороссійскій университетъ. Желалъ онъ этого для своего здоровья, чтобы быть ближе къ родинѣ, быть можетъ и въ надеждѣ найдти на новомъ полѣ болѣе обильную жатву. Эта надежда впрочемъ, если она была, скоро исчезла: въ Одессѣ пришлось ему сойтись и съ такими южными Славянами, въ которыхъ онъ не нашелъ ни малѣйшей искры сочувствія къ тому, что занимало его умъ и чувство; да и въ слушателяхъ своихъ онъ не могъ пробудить того рвенія къ труду, которое было необходимо для поддержанія его собственнаго рвенія. Недостатокъ внѣшняго сочувствія къ нему едвали не былъ главною причиною,

что въ немъ стала опять развиваться внутренняя недовѣрчивость и къ себѣ и къ другимъ.

И прежде увлекавшійся то тѣмъ то другимъ частнымъ вопросомъ, онъ въ Одессѣ жилъ самодовольнѣе только тогда, когда могъ увлечься чѣмъ нибудь; но не находя близь себя никого, съ кѣмъ бы могъ подѣлиться своимъ увлеченіемъ, онъ и самъ сталъ увлекаться научными работами все менѣе и не столько задачами Славянской Филологіи, сколько другими, случайно ему встрѣчавшимися. Только по поводу нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, каковы были пріѣздъ нѣкоторыхъ ученыхъ изъ западныхъ Славянъ, археологическіе съѣзды, и другихъ подобныхъ, Григоровичь или личными заявленіями или сообщеніемъ памятниковъ, которые онъ привозилъ съ собою, ворочался къ тому, чѣмъ не могъ онъ не дорожить какъ Славянскій Филологъ. Такъ во время пріѣзда Славянъ а потомъ на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ Григоровичь далъ возможность пользоваться нѣкоторыми изъ своихъ рукописей (Нѣкоторыя изъ нихъ вошли своими частями въ мой сборникъ Древнихъ памятниковъ юсоваго письма и въ Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ).

Труды послѣднихъ лѣтъ Григоровича, имъ изданные были:

— Записка антиквара о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ, въ Корсунскую землю и на южные побережья Днѣпра и Днѣстра. (Одесса, 1874 съ картою).

— Отчетъ о поѣздкѣ въ Петербургъ въ 1875 г. (Записки Новороссійскаго университета XX томъ): изъ этого отчета видно, что Григоровичь продолжалъ заниматься землею и населеніемъ южной Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ хлопоталъ о начатіи фотолитографическаго изданія части своихъ памятниковъ.

— Записка о пособіяхъ къ изученію южно-Русской земли, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго штаба (Записки Новорос. унив. XX т. и отдѣльно въ 1876 съ картой).

— Записка объ участіи Сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ (Записки Новорос. унив. XXI, и отдѣльно въ 1876 г.).

Въ 1875 г. Григоровичъ былъ выбранъ на новое пятилѣтіе профессорской службы въ Новороссійскомъ университетѣ; но скоро, недовольный и собою и другими, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, и уединенно поселился въ Елисаветградѣ съ мыслію продолжать свои ученыя занятія. Не долго ему пришлось попользоваться этимъ уединеніемъ, если только онъ, разстроенный душевно а затѣмъ и тѣлесно, могъ имъ пользоваться: 19-го декабря 1876 г. онъ скончался.

Остались послѣ него рукописи: онѣ пріобрѣтены Московскимъ публичнымъ музеемъ. Остались книги: онѣ конечно тоже будутъ пущены въ продажу, и жаль, если будутъ проданы безъ разбора, потому что у Григоровича были и очень рѣдкія. Тѣмъ болѣе жаль, если не найдутъ себѣ уютнаго мѣста для сохраненія оставшіеся послѣ него начатые или и законченные труды, или какія нибудь собранія ученыхъ замѣтокъ. Изъ нѣкоторыхъ сообщеній видно впрочемъ, что не должно пропасть почти ничто цѣнное изъ его научнаго достоянія.

Здѣсь къ стати привести свѣдѣніе о бумагахъ В. И. Григоровича, которыя приняты на храненіе въ Московскій публичный музей, сообщенное мнѣ нашимъ заслуженнымъ ревнителемъ сохраненія древнихъ и старинныхъ памятниковъ письменности и всякаго рода посмертныхъ останковъ дѣятельности людей науки, А. Е. Викторовымъ. Вотъ что хранится теперь въ музеѣ:

1. Черновыя записки путешествія Григоровича по Европейской Турціи и Славянскимъ землямъ: 4^0: около 200 лл.

2. Изслѣдованія по исторіи Славянъ—большею частію въ отрывкахъ: 4^0: около 200 лл.

3. Университетскія лекціи по Славянской исторіи и филологіи, рукописныя и литографированныя: 4^0: около 500 лл.

4. Записныя книги по ученымъ работамъ, преимущественно по филологіи и библіографіи: 16 книжекъ 8^0 и двѣ 4^0: до 1,000 лл.

5. Отрывки изъ ученыхъ работъ по Славянской филологіи и библіографіи: 4^0: около 400 лл.

6. Копіи съ памятниковъ по Славянской исторіи и письменности: 8⁰: около 300 лл.

7. Копіи съ памятниковъ Славянской литературы письменной и народной: 4⁰: около 250 лл.

8. Переписка Григоровича, относящаяся къ его путешествію: 8⁰: до 200 лл.

9. Черновыя письма Григоровича къ ученымъ, роднымъ и другимъ лицамъ: 8⁰: до 150 лл.

Изъ этого перечня не видно, сохранилась ли въ бумагахъ Григоровича переписка его съ учеными послѣ путешествія, и видно, что въ этихъ бумагахъ нѣтъ бѣлового списка Очерка путешествія Григоровича по Европейской Турціи, приготовленнаго имъ для изданія, списка, которымъ пользовались нѣкоторые ученые. Уже ли его постигнетъ такая же судьба, какая постигла изслѣдованіе Прейса о Богумилахъ? Нельзя не желать, что бы тотъ, у кого какъ нибудь случайно остался этотъ списокъ, внесъ его на храненіе туда, гдѣ хранится уже лучшая доля достоянія, оставшаяся отъ Григоровича. Нельзя не желать, чтобы все это не только временно хранилось, но и на всегда осталось въ Московскомъ музеѣ, — и желать это позволительно тѣмъ болѣе, что все это, за исключеніемъ древнихъ рукописей, не представляетъ собою цѣнности, годной для продажи.

Нельзя не желать такъ же, что бы по крайней мѣрѣ кое что изъ обозначенныхъ бумагъ, наиболѣе важное, было издано. Важны и многіе домыслы Григоровича; еще важнѣе его наблюденія, и всякаго рода матеріялы, имъ собранные. То и другое сообщалъ онъ разнымъ людямъ науки въ письмахъ; то и другое входило и въ составъ его университетскихъ чтеній; то и другое сохранилось, какъ видно, и въ отдѣльномъ видѣ. При этомъ нельзя терять изъ виду, что Григоровичь предупредилъ многихъ другихъ въ поискахъ древнихъ памятниковъ Славянской письменности и памятниковъ народнаго языка и словесности, и отмѣтилъ между прочимъ то, что не только прежде не было отмѣчено, но и послѣ ушло отъ внимательности наблюдателей. Къ стати вспомнить объ его

Очеркѣ путешествія по Европейской Турціи: этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ научной наблюдательности едва ли когда перестанутъ дорожить Славянскіе филологи и археологи; но остаться въ такомъ видѣ, съ такимъ множествомъ всякаго рода опечатокъ (а можетъ быть и случайныхъ описокъ) оно не должно. Очеркъ долженъ быть переизданъ съ возможно болѣе тщательнымъ устраненіемъ всего, мѣшающаго имъ пользоваться съ довѣренностію. Не знаю, и найденъ ли будетъ бѣловой списокъ Очерка, приготовленный самимъ Григоровичемъ; но если бы онъ и не былъ найденъ, все таки возстановленіе Очерка, въ достойномъ видѣ, нисколько не невозможно. Все, что изъ отмѣченнаго Григоровичемъ сдѣлалось извѣстно по трудамъ преосв. Порфирія, П. И. Савостьянова, арх. Леонида, Авраамовича, Гильфердинга и нѣкоторыхъ другихъ, можетъ быть провѣрено по этимъ трудамъ, большею частію изданнымъ или же по крайней мѣрѣ извѣстнымъ въ хорошихъ снимкахъ и спискахъ; все остальное можетъ быть провѣрено по рукописямъ и бумагамъ, хранящимся въ Московскомъ музеѣ, а можетъ быть частію и по тѣмъ, которыя Григоровичемъ пожертвованы въ библіотеку Новороссійскаго университета. Я бы думалъ, что къ возстановленію Очерка слѣдуетъ приступить не ожидая того, что найдется бѣловой списокъ Григоровича, даже для того, что бы можно было легче провѣрить самый бѣловой списокъ, въ которомъ такъ же могли какъ нибудь проскользнуть кое какія невѣрности: Очеркъ долженъ быть изданъ не только какъ памятникъ дѣятельности Григоровича, но и какъ настольная книга для изслѣдователей.

Такъ или иначе должна быть доиздана и та часть глаголическаго четвероевангелія, которую Григоровичь поручилъ картографическому заведенію для печатанія фотолитографическимъ способомъ. Нельзя не желать, чтобы хоть эта частичка его драгоцѣннаго собранія рукописей была издана такъ, какъ онъ могъ желать.

Григоровичь умеръ на 62-мъ году жизни. Кто видѣлъ его не задолго до смерти, въ 1874 и 1875 гг., не могъ этого ожидать, глядя на его здоровое полное лице и слушая живую, одушевленную бесѣду его, приковывавшую къ нему его слушателей домыслами умнаго и ученаго изслѣдователя, поэтическими образами и свободнымъ богатствомъ изложенія, какъ это было на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ. Можно было напротивъ того надѣяться, что дѣятельность его, которою ознаменовались первые годы его научныхъ работъ по Славянской филологіи, возобновится опять, и что онъ додѣлаетъ то, что онъ могъ бы сдѣлать лучше всѣхъ своихъ собратій.

III.

Осипъ Максимовичь Бодянскій, скончавшійся 6 сент. 1877 года, родился 3-го ноября 1808 года въ мѣстечкѣ Варвѣ (Лохвицкаго уѣзда Полтавской губерніи) сыномъ священнослужителя.

Получивъ приготовительное образованіе въ Переяславской семинаріи, Бодянскій вступилъ студентомъ въ Московскій университетъ по историко-филологическому факультету (въ 1831 г.) въ такомъ возрастѣ (почти 23 лѣтъ), когда другіе оканчиваютъ или уже и окончили университетское образованіе, но за то съ такими знаніями по философіи и древнимъ языкамъ, какія въ то время получали немногіе не только въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ большей части семинарій, стоявшихъ тогда въ этомъ отношеніи значительно выше свѣтскихъ, и съ такимъ навыкомъ къ терпѣливому и стойкому труду и съ такою любознательностію, что университетскіе преподаватели не могли его не отмѣтить какъ одного изъ наиболѣе достойныхъ уваженія слушателей. Его успѣхи упрочили за нимъ доброе вниманіе наставниковъ: черезъ три года по вступленіи въ университетъ, въ 1834 г. Бодянскій получилъ степень кандидата; черезъ два года послѣ этого выдержалъ испытанія на степень магистра и въ 1837 г., въ слѣдъ за защищеніемъ диссертаціи, утвержденъ въ этой степени.

Эта диссертація была первымъ звѣномъ въ длинной цѣпи его трудовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указала опредѣлительно, въ какомъ кругѣ работъ думалъ сосредоточить свою дѣятельность новый труженикъ науки. Она была посвящена разработкѣ предмета въ то время совершенно новаго, можно сказать неизвѣстнаго. «О народной поэзіи Славянскихъ племенъ»: подъ такимъ заглавіемъ она вышла какъ довольно обширная книга, имѣя передъ собою только

нѣсколько отдѣльныхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ Русскихъ, Сербскихъ, Чешскихъ, Словацкихъ, Польскихъ, одинъ сводный сборникъ народныхъ пѣсенъ разныхъ Славянъ, выданный Чешскимъ поэтомъ Челяковскимъ въ подлинникѣ и въ Чешскомъ переводѣ (Slovanské národnj pjsně. V Praze. 1822—1827, въ 3-хъ книжкахъ) и нѣсколько легкихъ статей о народной поэзіи, навѣянныхъ неопредѣленнымъ чувствомъ потребности уважать все народное, и болѣе ничего. Даже и позже еще долго самые страстные поклонники народной поэзіи оставались съ нею въ очарованномъ кругѣ мечтаній, заступавшихъ мѣсто изслѣдованій, не зная, какъ взяться за дѣло, какъ за дѣло науки. Немудрено, что первый научный опытъ Бодянскаго довольно долго оставался съ значеніемъ строго ученаго разбора и рѣшенія знатока. Нельзя сказать, что онъ уже утратилъ совершенно это значеніе — если не по частнымъ выводамъ, то по способамъ ихъ достиженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ по нѣкоторымъ основнымъ убѣжденіямъ. Таковы на пр. о поэзіи вообще: «всякая поэзія, чтобы быть самостоятельною, истинною поэзіей, должна быть народною; всякая народная поэзія съ достоинствами общечеловѣческаго художества соединяетъ еще особенныя, свойственныя ей какъ достоянію одного особеннаго народа, и выдѣляется отъ другихъ разными чертами, сводящимися въ одно цѣлое, изображающими и характеръ этой поэзіи и характеръ народа, которому она принадлежитъ; и т. д.

Выборъ задачи для магистерской диссертаціи не былъ рѣшеніемъ только частнаго пристрастія къ ней самого Бодянскаго: онъ былъ первымъ литературнымъ послѣдствіемъ одного изъ нововведеній Университетскаго устава 1835 года, которымъ въ числѣ каѳедръ историко-филологическаго факультета дало мѣсто каѳедрѣ исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій. Почти непосредственно за преобразованіемъ Московскаго университета на каѳедру эту вошелъ одинъ изъ главныхъ представителей исторической Русской науки того времени, М. Т. Каченовскій, бывшій до того въ продолженіи двадцати семи лѣтъ профессоромъ то археологіи, то словесности, то исторіи и статистики Русской,

то исторіи и статистики всеобщей, приготовленный къ новому назначенію болѣе всѣхъ своихъ товарищей и все таки очень мало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вступившій тогда въ седьмой десятокъ лѣтъ жизни. На виду у Каченовскаго какъ будущій помощникъ его по каѳедрѣ, былъ Бодянскій, ученикъ имъ любимый и по познаніямъ, и по трудолюбію, и какъ землякъ. Каченовскій сталъ поддерживать Бодянскаго въ занятіяхъ Славянскими нарѣчіями и былъ главнымъ виновникомъ выбора предмета для диссертаціи — если не въ частности, то по крайней мѣрѣ вообще.

Когда съ открытіемъ каѳедры Славянской предложено было университетамъ выбрать молодыхъ ученыхъ для путешествія по Славянскимъ землямъ, съ цѣлію приготовляться къ занятію этой кафедры, отъ Московскаго университета, непосредственно за утвержденіемъ Бодянскаго въ степени магистра, представленъ былъ онъ для этого путешествія, и съ соизволенія Государя Императора отправленъ въ путешествіе на два года, а за тѣмъ, частію по ученымъ занятіямъ частію по болѣзни—остался заграницею еще три года. Бодянскій былъ первый изъ отправленныхъ въ то время молодыхъ ученыхъ въ Славянскія земли и пробылъ въ путешествіи болѣе всѣхъ другихъ. Какъ дѣятеленъ былъ онъ во время этого путешествія, какъ старался воспользоваться всѣмъ, что представлялось ему нужнымъ для его научныхъ цѣлей, и знакомствами, и библіотеками, и пособіями для изученія нарѣчій и словесности, и источниками по исторіи Славянъ, это выражалось въ уважительныхъ отношеніяхъ къ нему Западно-Славянскихъ ученыхъ того времени. Къ сожалѣнію нѣтъ на виду достаточнаго числа подробностей о томъ, какъ расположилось все его путешествіе, когда чѣмъ и какъ онъ занимался, чего когда искалъ и достигалъ. Въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія напечатано только два его отчета: одинъ отъ 23 марта 1838 г., (XVIII: 323), а другой отъ 1 февраля 1839 г., (XXIII: IV: 15). Изъ перваго видно, что Бодянскій выѣхалъ за границу черезъ Южнорусскія земли. Остановившись въ Переяславлѣ, онъ занялся двумя харатейными евангеліями, изъ которыхъ одно (написанное

въ 1656 г.) съ особенностями Малорусскаго говора дало ему поводъ высказать нѣсколько убѣжденій о Старославянскомъ языкѣ. Въ Кіевѣ онъ обратилъ вниманіе на нѣкоторыя изъ рукописей тамошнихъ библіотекъ. Изъ Кіева черезъ Варшаву и Бреславль, онъ пріѣхалъ въ Прагу, гдѣ въ первые четыре мѣсяца занимался «исключительно — систематическимъ усовершенствованіемъ себя въ старомъ и новомъ Чешскомъ, Словацкомъ, Верхне- и Нижне-Лужицкомъ языкахъ, ихъ исторіи литературы и исторіи народа». Изъ втораго отчета узнаемъ, что Бодянскій пробылъ въ Прагѣ еще болѣе полугода, и съ апрѣля занимался древними Чешскими памятниками — по подлинникамъ. Лѣто до сентября онъ лѣчился въ Карлсбадѣ и Теплицѣ; сентябрь провелъ въ переѣздахъ по Чехіи для наблюденія надъ языкомъ Чешскимъ въ устахъ самого народа. Въ октябрѣ онъ переѣхалъ въ Моравію, и посѣтилъ тамъ Оломуцъ, Брно и Райградъ, знакомясь съ дѣятелями и съ нѣкоторыми изъ памятниковъ. Въ числѣ памятниковъ съ полною довѣренностью въ подлинность онъ занялся монетами съ записью ΠΕΓΝΗΣΕ (пенизе: пенязи) и Райградскою Латинской рукописью, гдѣ Палацкимъ отмѣчены кирилловскія приписки какъ очень древнія. Переѣхавъ въ Вѣну, онъ сблизился съ тамошними дѣятелями, и изъ памятниковъ занялся исключительно Октоихомъ Ганкенштеина и «сдѣлалъ изъ него огромныя извлеченія и нѣсколько снимковъ». Изъ Вѣны Бодянскій поѣхалъ въ Венгрію, гдѣ останавливался въ Пресбургѣ, потомъ, переѣхавъ черезъ сѣверные комитаты, спустился въ Пештъ и тамъ остался на зиму, сближаясь съ дѣятелями и осматривая библіотеки. Изъ Пешта Бодянскій предполагалъ проѣхать въ южную Венгрію, населенную Сербами, потомъ въ Турцію и именно въ Сербію и въ Болгарію, потомъ въ Седмиградію (Трансильванію), Буковину, Галицію, земли Венгерскихъ Русиновъ и Словаковъ, за тѣмъ къ Словинцамъ. «Заключая донесеніе — писалъ Бодянскій — считаю обязанностію присовокупить. что въ теченіе годоваго моего пребыванія за границей, кромѣ ближайшаго знакомства съ исторіей и литературой Чешской, Польской, Словац-

кой и Сербской, я успѣлъ усвоить себѣ и языки этихъ четырехъ соплеменныхъ намъ народовъ, и имѣю твердую надежду то же сдѣлать и съ остальными Славянскими языками, т. е. Булгарскимъ, Словинскимъ, Лужицкимъ». Что̀ именно исполнено Бодянскимъ изъ имъ предположеннаго, мнѣ остается неизвѣстнымъ. Знаю только, что долгая болѣзнь не могла не отня
много времени — если не по домашнимъ занятіямъ, то по крайней мѣрѣ по задачамъ путешествія. Въ своемъ послѣднемъ отчетѣ, вышедшемъ въ видѣ отдѣльной статьи (О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что Церковно-книжный языкъ есть Славяно-Булгарскій. Журн. мин. нар. просв. за 1843 г. XXXVIII: II: 130) Бодянскій упомянулъ, что послѣ долговременнаго пребыванія въ Судетахъ, у Присница, возстановленный въ здоровьи, онъ прибылъ во Вратиславль (Бреславль) въ исходѣ апрѣля 1842 г. и оттуда думалъ поѣхать въ Лужицы; но прежде этого рѣшился заняться во Вратиславлѣ. Здѣсь, почти въ концѣ лѣта, подъ самый конецъ путешествія, мы сошлись съ нимъ, когда и онъ и я передъ возвратомъ на родину имѣли въ виду только нѣкоторыя изъ Польскихъ мѣстностей. Вмѣстѣ мы поѣхали въ Познань и потомъ въ Варшаву, вмѣстѣ пріѣхали и въ Вильну, откуда онъ направился въ Москву, а я, желая хоть нѣсколько ознакомиться съ Бѣлоруссами, поѣхалъ на югъ. Жили мы вмѣстѣ въ одной комнатѣ и работали въ Познани; а въ Варшавѣ и въ Вильнѣ, живя стѣна объ стѣну, видались очень часто. Вездѣ, гдѣ мы останавливались, онъ находилъ себѣ работу, и работалъ изо дня въ день цѣлый день, вставая рано и ложась поздно. Особенно занимался онъ выписками изъ рукописей, которыя мы получали на домъ: что̀ онъ выписывалъ, я большею частію не зналъ, но выписывалъ онъ цѣлыми тетрадями. Позже оказалось — для чего онъ дѣлалъ выписки, хотя едва ли и доселѣ не осталось многое, имъ выписанное, безъ употребленія.

Когда Бодянскій воротился въ Москву (въ сентябрѣ 1842 г.), Каченовскаго уже не было въ живыхъ (онъ умеръ за четыре мѣсяца передъ тѣмъ), — и Бодянскій занялъ каѳедру исторіи и

литературы Славянскихъ нарѣчій какъ самостоятельный преподаватель въ званіи экстраординарнаго профессора — въ то же время, когда два другіе его товарища по цѣли путешествія начали такъ же преподаваніе въ двухъ другихъ университетахъ.

Какъ каждый изъ нихъ понялъ свои обязанности, какъ распредѣлилъ свое преподаваніе, знать это еще важнѣе, чѣмъ знать, какъ каждый изъ отправленныхъ въ ученое путешествіе по Славянскимъ землямъ, совершилъ его съ цѣлію приготовиться къ занятію каѳедры. Этими новыми преподавателями начиналось университетское изложеніе науки новой не только для Россіи, но и вообще, науки по которой нельзя было университетскому преподавателю отвѣчать на неизбѣжный въ то время вопросъ «какихъ руководствъ придерживается онъ въ изложеніи предмета». Не было не только руководствъ, но даже ни одного опредѣлительно высказаннаго мнѣнія, что́ должно входить въ составъ курсовъ по этой новой каѳедрѣ. Не было оспариваемо только то, что преподаватели должны помочь своимъ слушателямъ въ изученіи главныхъ Славянскихъ нарѣчій и ознакомить ихъ съ достояніемъ западно-Славянскихъ литературъ; но какъ, въ какой степени, это оставалось на рѣшеніи доброй воли преподавателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ самими преподавателями находимо было нужнымъ дать мѣсто и исторіи Славянъ, и этнографическому обзору Славянскаго племени, и Славянскимъ древностямъ, и грамматикѣ древняго Церковнаго Славянскаго языка, и т. д. Министерство народнаго просвѣщенія не посылало отъ себя преподавателямъ никакихъ наставленій, какъ бы предоставляя выработать содержаніе преподаваемой новой науки самимъ преподавателямъ. Не могло бы, казалось, остаться безъ пользы для этого отбираніе отъ каждаго изъ преподавателей программъ ихъ курсовъ и сообщеніе ихъ для свѣдѣнія всѣмъ другимъ; но и этого дѣлано не было. Что̀, въ какомъ порядкѣ и какъ излагалъ проф. Бодянскій оставалось извѣстнымъ только однимъ слушателямъ, — и уже отъ нихъ переходило по частямъ и случайно къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые желали имѣть объ этомъ свѣ-

дѣнія. Такъ между прочимъ сдѣлалось извѣстно, что, начиная съ перваго года преподаванія, проф. Бодянскій постоянно посвящалъ часть своихъ изложеній объяснительному чтенію образцовъ нарѣчій Сербскаго, Чешскаго и Польскаго, и что эти чтенія при постоянномъ участіи самихъ слушателей были самыя полезныя. Еще извѣстно, что въ кругъ его преподаванія входили, кромѣ Славянскаго народоописанія по книжкѣ П. Шафарика, самимъ Бодянскимъ переведенной и изданной, разныя части исторіи литературы Сербской, Чешской и Польской, части политической исторіи Славянъ, части общесравнительной грамматики Славянскихъ нарѣчій, что всѣ или почти всѣ эти части преподаванія излагались пр. Бодянскимъ очень подробно, и по крайней мѣрѣ нѣкоторыя совершенно самостоятельно. Извѣстно такъ же, что проф. Бодянскій усердно помогалъ заниматься изученіемъ Славянства тѣмъ изъ своихъ слушателей — студентовъ и окончившихъ студентскія курсы, которые избирали Славянство главнымъ предметомъ своихъ занятій, руководилъ ихъ учеными трудами, и т. п. Нѣкоторые изъ его слушателей отзывались объ его участіи въ ихъ трудахъ съ живою признательностью. На память объ этой дѣятельности проф. Бодянскаго осталось нѣсколько напечатанныхъ, очень замѣчательныхъ изслѣдованій, между прочимъ разборъ Сербо-лужицкихъ нарѣчій г. Новикова, Исторія Сербскаго языка г. Майкова и др.

Дѣятельнымъ и полезнымъ преподавателемъ, съ небольшимъ перерывомъ въ 1848—1849 гг., онъ оставался въ должности ординарнаго профессора до 1855 г., а потомъ въ званіи ординарнаго профессора, до 1868, когда принужденъ былъ выйдти въ отставку. Въ послѣдніе годы жизни его исключительнымъ занятіемъ, кромѣ чтенія, было веденіе дѣлъ Общества исторіи и древностей, сосредоточивавшихся въ его рукахъ, и изданіе Чтеній этого общества, гдѣ онъ помѣщалъ и свои труды.

Что касается до литературной дѣятельности Бодянскаго, то она такъ обильна плодами, что стойкое трудолюбіе Бодянскаго можетъ быть поставляемо въ образецъ другимъ научнымъ дѣяте-

лямъ Русскимъ и не Русскимъ. Законченныхъ изслѣдованій и вообще изслѣдовательныхъ работъ имъ издано сравнительно не много; но за то число переводовъ и изданій памятниковъ и его собственныхъ, и имъ вызванныхъ и вышедшихъ подъ его надзоромъ — безъ преувеличенія можно сказать — огромно.

Непосредственно по возвращеніи изъ за границы Бодянскій занялся переводомъ книжки извѣстнаго Чешскаго ученаго Шафарика, незадолго передъ тѣмъ изданной подъ названіемъ Slovanský národopis — Славянское народоописаніе, и издалъ ее въ Москвитянинѣ и отдѣльно (1843). Нѣсколько позже Бодянскій принялся за полный переводъ другого, гораздо болѣе важнаго произведенія Шафарика, его Славянскихъ древностей (Slovanské starožitnosti). Еще до выѣзда своего за границу въ 1837 г. Бодянскій предпринялъ изданіе своего перевода этого важнаго произведенія; но тогда напечатано было только начало его въ двухъ книгахъ. Въ 1848 году явился полный переводъ всего произведенія въ пяти книгахъ. Еще позже были имъ приготовлены и изданы переводы нѣсколькихъ частныхъ изслѣдованій Шафарика. Вообще говоря, Русскіе цѣнители заслугъ этого Чешскаго ученаго, не знающіе Чешскаго нарѣчія, обязаны знакомствомъ съ его трудами болѣе всего Бодянскому и почти ему одному. Нельзя при этомъ забыть, что Бодянскій, оставаясь въ постоянно близкихъ сношеніяхъ съ Шафарикомъ, оставался постоянно и горячимъ чтителемъ его заслугъ и мнѣній, какимъ могъ быть только безусловный его послѣдователь.

Вмѣстѣ съ Шафарикомъ Бодянскій уважалъ и Палацкаго, не менѣе извѣстнаго Чешскаго дѣятеля, — и не только другихъ поощрялъ къ изученію и переводу его произведеній, но и самъ перевелъ нѣсколько его статей, которыя послѣ и напечаталъ.

Въ ряду западно-Славянскихъ писателей, съ которыми Русскихъ читателей познакомилъ Бодянскій въ первые годы по возвращеніи изъ-за границы, былъ еще Д. Зубрицкій, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей изъ Галицкихъ Русиновъ: отдѣльныя статьи его по исторіи Галицкой Руси, написанныя и напе-

чатанныя по Польски, были Бодянскимъ подобраны, переведены и изданы подъ названіемъ: Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси (М. 1845 г.).

Изъ своихъ собственныхъ изслѣдовательныхъ работъ онъ въ эти годы издалъ статью о Церковно-Славянскомъ языкѣ и въ ней сказаніе монаха Храбра по особому списку (Жур. мин. нар. просв. XXXVIII: 130—168) и другую о собраніи Словацкихъ народныхъ пѣсенъ, изданныхъ Я. Колларомъ.

Съ 1846 г. начался новый періодъ дѣятельности Бодянскаго, продолжившійся до самой смерти и только случайно разбившійся на двѣ части въ 1848—1857 гг. Въ 1845 г. Бодянскій избранъ былъ секретаремъ Общества исторіи и древностей, и съ 1846 г. сталъ издавать повременникъ подъ названіемъ: Чтенія въ засѣданіяхъ общества. Въ первый годъ изданія вышло 4 книги, во второй и въ третій по 9-ти; столько же должно было выдти и въ четвертомъ году, но по особеннымъ обстоятельствамъ это изданіе было пріостановлено на 2-й невышедшей книгѣ 4-го года. Заступившій мѣсто Бодянскаго Бѣляевъ продолжалъ этотъ повременникъ общества, подъ особеннымъ названіемъ Временника, въ продолженіи 10 лѣтъ: отъ 1848 до 1858 вышли 25 большихъ томовъ такого же содержанія, какъ и вышедшіе передъ тѣмъ 23 книги Чтеній. Въ 1858 г. возобновилась дѣятельность Бодянскаго по обществу, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и изданіе Чтеній. Съ тѣхъ поръ каждый годъ выходило по 4 книги, только въ истекшемъ году Бодянскій успѣлъ приготовить къ изданію двѣ книги. Такимъ образомъ Бодянскимъ издано всего на все 97 книгъ Чтеній. Прибавивши къ этому 25 книгъ Временника, отличающагося отъ Чтеній только названіемъ, мы получимъ 112 книгъ, изданныхъ въ теченіи 31 года. До 1846 г. Общество издавало Труды и лѣтописи, Русскія достопамятности, Русскій историческій сборникъ и кромѣ того отдѣльныя книги. Съ 1815 года до 1846 издано 8 книгъ Трудовъ, 3 книги Достопамятностей, 7 книгъ Истор. Сборника и 20 книгъ отдѣльныхъ, всего на все 38 книгъ — такъ же въ чтеніи 31 года, т. е. въ три

раза менѣе, если взять во вниманіе число книгъ, а сравнивъ тѣ и другія книги по величинѣ, можно безъ преувеличенія положить, что со времени Бодянскаго печатная дѣятельность Общества увеличилась болѣе чѣмъ въ 5 разъ. Увеличеніе печатной дѣятельности общества обыкновенно указываетъ не на увеличеніе дѣятельности его членовъ, а всего чаще на увеличеніе заботъ того, кто завѣдываетъ изданіями общества. И едва ли гдѣ и когда это выразилось рѣзче чѣмъ въ Обществѣ исторіи и древностей. Общество это не только сосредоточивалось въ лицѣ Бодянскаго но — по крайней мѣрѣ иногда — оно все покоило увѣренность въ свою жизненность и въ свое значеніе — на умѣ и волѣ Бодянскаго, какъ секретаря, въ дѣйствіяхъ его признавая свой умъ и свою волю. Имѣя въ виду непоколебимую стойкость Бодянскаго, какъ главную силу его характера, и его незамѣнимость какъ дѣятеля, неустаннаго и вполнѣ преданнаго Обществу, нельзя себѣ и представить; чтобы могло быть иначе. Взявшись за изданіе Чтеній Бодянскій придумалъ для этого повременнаго изданія такіе отдѣлы содержанія, и такой порядокъ помѣщенія вносимаго, что было мѣсто всему — и изслѣдованіямъ, и описаніямъ памятниковъ и самимъ памятникамъ, и запискамъ современниковъ прежняго и новаго времени, и всякимъ сборникамъ, и всякимъ замѣчаніямъ, всему, сколько нибудь подходящему подъ кругозоръ вниманія Общества, какъ бы оно велико или мало ни было, въ подлинникѣ ли или въ переводѣ. Не могло быть помѣщено только то, что почему нибудь Бодянскій находилъ неумѣстнымъ; но Бодянскій же хлопоталъ, болѣе чѣмъ кто другой могъ бы хлопотать, объ обогащеніи Чтеній всѣмъ достойнымъ вниманія и поощренія, — притомъ же, какъ издатель добросовѣстный, всегда давалъ преимущество тому, что получалъ отъ другихъ, передъ тѣмъ, что могъ бы дать отъ самого себя, и надъ этимъ чужимъ не рѣдко трудился по исправленію не только опечатокъ, но такъ же вольныхъ и невольныхъ ошибокъ переписи или и изложенія. Не говоря о сотняхъ статей разнаго рода малаго объема, въ Чтеніяхъ изданы очень обширныя сочиненія новыя и старыя, многія записки

современниковъ, и подлинныя Русскія, и иностранныя въ переводѣ, и сборники пѣсенъ и пословицъ, и памятники древніе, и т. д. Такимъ образомъ Чтенія составили библіотеку, необходимую для каждаго историка, археолога, этнографа, статистика, языковѣда, историка литературы и народной словесности, не только Русской, но и западно-Славянской.

Своихъ собственныхъ изслѣдованій Бодянскій помѣстилъ въ Чтеніяхъ очень немного и то только въ первые годы изданія. Значительно чаще являлись его случайныя замѣтки и объясненія, еще чаще его предисловія къ изданіямъ памятниковъ, записокъ и нѣкоторыхъ сочиненій. Записки, объясненія и предисловія Бодянскаго очень разнообразны не только по содержанію, но и по величинѣ, и большею частію богаты свѣдѣніями и указаніями.

Въ его переводѣ вышло въ Чтеніяхъ:

П. Шафарика О древне Славянскихъ Кирилловскихъ типографіяхъ въ южно-Славянскихъ и сосѣднихъ земляхъ. Чт. 1846. 3.

— О Сварогѣ. Чт. 1846. 1.

— Объ имени и положеніи города Винеты. Чт. 1847. 7.

— Разцвѣтъ Слав. письменности въ Булгаріи. Чт. III. 7.

— Ф. Палацкаго. Сравненіе законовъ ц. Стефана Душана Сербскаго и древнѣйш. земск. постановленій Чеховъ. Чт. 1846. 2.

— О Рус. князѣ Ростиславѣ. Чт. 1846. 3.

Собственныя его изслѣдованія и замѣчанія вышли въ Чтеніяхъ слѣдующія:

— О поискахъ моихъ въ Познанской публич. биб. Чт. 1846. 1.

— Объ одномъ прологѣ б-ки Москов. дух. типографіи и тождествѣ Хорса и Даждь-бога. Чт. 1846. 2. Переписка съ Сабининымъ по этому выводу. Чт. 1847. 9.

— Замѣчанія на проектъ положенія объ ученыхъ степеняхъ 1860. 4.

— Замѣчанія о Каразинѣ. 1861. 3.

— Замѣчанія на проектъ университетскаго устава. 1862: 2.

— Польское дѣло. Записка. 1863. 2.

— Нужно ли преобразованіе календаря? 1864. 2.

— Объясненія. 1859: 1, 1864: 3, 1865: 2, 3, 1866: 2, 4, 1867: 1, 3, 1870: 1, 1870: 3, 1872: 1, 2: 1873. 1.

— О проектѣ устава Академіи наукъ. 1865. 2, 1866. 2.

— Рѣчь къ Славянамъ въ Москвѣ 1867. 2.

— Изображенія Слав. первоучителей на поляхъ образа святителя Николая со снимками 1868. 1.

— Замѣтки. 1869. 1, 1871. 1, 1873. 3, 1873. 4, 1874. 4, 1875. 2.

Главные памятники, изданные самимъ Бодянскимъ въ Чтеніяхъ, суть:

— Исторія Руссовъ или Малой Россіи *Георгія Конискаго*. 1846. (стр. 265+IV+45) съ указателемъ.

— Винодольскій законъ въ подлинникѣ съ примѣчаніями, переведенными съ Сербскаго. 1846. 4.

— Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи *А. Ригельмана*. 1847., съ указателемъ.

— Исторія о Козакахъ Запорожскихъ. 1847. 6.

— Прѣніе митр. Даніила съ Максимомъ святогорцемъ. 1847. 7—9.

— Повѣсть о прихожденіи короля Стефана на в. Псковъ. 1847. 7.

— Выпись изъ грамоты о сочтаніи второго брака Паисія святогорца. 1847. 8.

— Сказаніе и повѣсть о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ 1847. 9.

— Паралипоменъ Зонаринъ III. 1.

— Переписка и др. бумаги Карла XII, Станислава Лещинскаго и др. III. 1.

— Краткое описаніе о козацкомъ Малороссійскомъ народѣ П. Симоновскаго. III. 2., съ указателемъ.

— Московскіе соборы на еретиковъ XVI в. III. 3.

— Краткое историческое описаніе о Малой Россіи III. 6.

— Написаніе Георгія Скрипицы о вдовствующихъ попѣхъ III. 6.

— Славяно-русскія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ купца Царскаго III. 7. съ большимъ предисловіемъ.

— Лѣтопись монастыря Густынскаго. III. 8.

— Описаніе о Малой Россіи и Украйны С. Зарульскаго III. 8.

— Замѣчанія до Малой Россіи принадлежащія. IV. 2.

— Граматично изказаніе об рускомъ језúку попа *І. Крижанища*. IV: I. 1859. 4.

— Діаріушъ генер. хор. 4. Д. Ханенка. 1858. 1.

— Розыскъ Висковатого. 1859. 2.

— Житіе Ѳеодосія Почерскаго, списаніе Нестора. 1858. 3.

— Источники Малорос. исторіи, собр. Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ. 1859. 1.

— Чтеніе Нестора о Борисѣ и Глѣбѣ. 1859. 1.

— Московскіе глагольскіе отрывки. 1859. 1. съ введеніемъ и снимками.

— Разсужденіе инока князя Вассіана объ отчинахъ монастырскихъ 1859. 3.

— Житіе Ѳеодосія Терновскаго, списано куръ Калистомъ 1860. 1.

— Переписка между Россіей и Польшей. 1860. 4, 1861. 1, 1863. 4.

— Путешествіе въ Іерусалимъ Іероѳея іеромон. Рачанинскаго. 1861. 4.

— Журналъ Г. М. Кречетникова и письма къ нему 1862.

— Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собраніе Я. Ѳ. Головацкаго, изд. Бодянскаго съ его предисловіемъ. 1862. 3 и далѣе.

— Проекты объ уничтоженіи Греко-Рос. вѣроисповѣданія въ отторженныхъ Польшею отъ Россіи областяхъ. 1862. 4.

— Кириллъ и Меѳодій. Собраніе памятниковъ до дѣятельности сс. первоучителей Славянскихъ племенъ относящихся. I. Памятники отечественные. 1863. 2; 1864. 2; 1865. 1, 2; 1866. 2; 1873. 1.

— Хорватская хроника XII в. 1867: 3.

— Записки Ѳедора Бродовича о 1789 г. съ предисловіемъ 1868. 3, 4.

— Мнѣніе о разности между восточн. и западною церковью А. Н. Голицина. 1870. 1.

— Житіе сс. мм. Бориса и Глѣба, по сп. XII и XIV в. 1870. 1; съ больш. предисловіемъ и снимками.

— Латыши г. Меркеля съ больш. предисловіемъ 1870. 1.

— Правила о единовѣрцахъ со вступленіемъ 1870. 2.

— Матеріалы для исторіи Россіи изъ рукописей Британскаго музея, съ предисловіемъ. 1870. 3.

— Дѣло Гадяцкаго полковника М. Милорадовича 1716 г. 1870. 3.

— Физика, выбранная М. Сперанскимъ. 1797 г. съ предисловіемъ. 1871. 3. 1872 1.

— Актъ Зографскаго монастыря 980—981., со снимкомъ. 1873. 1.

— Записки Меербеера съ предисловіемъ. 1873. 3, 1874. 1.

— Путешествіе въ Иммеретію А. Е. Соколова, съ предисловіемъ. 1874. 4.

— Реестра войска Запорожскаго. 1874. 2.

— Письма Иннокентія еписк. Пенз. и Сарат., съ предисловіемъ. 1874. 4.

— Донесеніе о Московіи Іоанна Перштейна. 1575 г. 1876. 2, съ предисловіемъ.

Въ Чтеніяхъ всего драгоцѣннѣе памятники приготовленные къ изданію самимъ Бодянскимъ, между прочимъ—Житія Кирилла и Меѳодія, Похвальныя слова имъ и пр. во множествѣ списковъ, Житія Бориса и Глѣба, Житіе Ѳеодосія Печерскаго, Московскіе

глагольскіе отрывки, и другіе менѣе древніе памятники; за тѣмъ огромное число матеріаловъ для исторіи Малороссіи и пр. и пр. Не мало важныхъ памятниковъ, приготовлявшихся Бодянскимъ къ изданію въ Чтеніяхъ, остались не изданными.

Неутомимость Бодянскаго въ изданіи Чтеній невольно поражала всякого столько же, какъ и стойкость его характера, и самостоятельность воззрѣній на всѣхъ и все, соединяемая нерѣдко и съ самомнѣніемъ. Издавая Чтенія, Бодянскому приходилось и искать запасовъ, для этого годныхъ, и выбирать и подбирать ихъ, и перечитывать корректуры, начиная съ первой, много со второй, и хлопотать въ типографіи, наблюдая за печатаніемъ. Не мудрено, что ему иногда не доставало времени ни для чего другого, что онъ не успѣвалъ продолжать своихъ собственныхъ начатыхъ трудовъ, и тѣмъ менѣе могъ успѣвать строго оцѣнять то, что приносилось ему для изданія въ Чтеніяхъ, и всегда одинаково быть внимательнымъ къ частнымъ ошибкамъ содержанія и къ опечаткамъ, какъ дѣлалъ бы непремѣнно — даже по желанію придать Чтеніямъ какъ можно болѣе значенія.

Самое важное изслѣдованіе Бодянскаго издано имъ не въ Чтеніяхъ и не во Временникѣ, какъ бы могло случиться по времени напечатанія (1855 г.), а отдѣльно. Это была большая книга «О времени происхожденія Славянскихъ писменъ», гдѣ въ первый разъ подобраны и разобраны всѣ источники, пособія и мнѣнія, касающіеся этой задачи, и гдѣ обширныя знанія и особенности изслѣдовательнаго направленія Бодянскаго высказались въ полномъ свѣтѣ. Все изслѣдованіе раздѣлено на четыре главы. Первая заключаетъ въ себѣ обзоръ свидѣтельствъ, раздѣленныхъ на два отдѣла: къ одному отнесены источники (Греческіе, Западные и отечественные), ко второму пособія, т. е. свидѣтельства проложныя и лѣтописныя, какъ пересказы источниковъ. Во второй главѣ данъ разборъ свидѣтельствъ съ мыслію объяснить, какія и почему заслуживаютъ болѣе уваженіе. Третья глава, самая живая по увлеченію сочинителя, самая замѣчательная для того кто желаетъ познакомиться съ главными его убѣжденіями,

есть переборъ мнѣній относительно разбираемаго вопроса, начиная отъ старѣйшихъ, XVII вѣка, до послѣднихъ современныхъ. Въ четвертой главѣ еще разъ перебраны сравнительно и объяснительно главныя показанія, и дано общее рѣшеніе: Славянскія письмена созданы Кирилломъ Философомъ въ Цареградѣ въ 862 году. Къ этому обширному изслѣдованію приложены не менѣе обширныя примѣчанія, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ быть цѣнимы какъ отдѣльныя изслѣдованія: таковъ на пр. разборъ Житія Вячеслава князя Чешскаго (стр. 76—88).

Не въ изданіи же Общества, а въ Русскомъ вѣстникѣ (1856 г.) явилась и его работа о новыхъ открытіяхъ въ области глаголицы. Позже появился его разборъ книги П. А. Лавровскаго Кириллъ и Меѳодій (Седьмое присужденіе Уваровскихъ премій 1864 г.); а еще позже его рѣчь о Ломоносовѣ (Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова (М. 1865 г. 80 114).

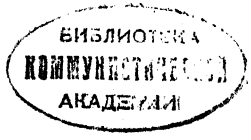
Изъ изданій памятниковъ, приготовлявшихся личнымъ трудомъ самого Бодянскаго, съ наибольшимъ нетерпѣніемъ ожидаемы были два: изданіе Святославова списка Изборника 1073 года и изданіе твореній Іоанна екзарха Болгарскаго. Изборникъ принадлежащій въ спискѣ 1073 года къ числу драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ древняго Русскаго письма и оказавшійся по изслѣдованію Востокова простымъ переводомъ Греческой книги, а по открытію Шевырева переводомъ времени Симеона болгарскаго, достоинъ былъ самого тщательнаго ученаго изданія, и Бодянскій предпринялъ именно такое изданіе его: Славянскій переводъ долженъ былъ явиться съ Греческимъ подлинникомъ, съ Латинскимъ переводомъ и съ объяснительнымъ словаремъ-указателемъ; къ сожалѣнію отпечатано 23 лл., т. е. 184 стр.—и если нѣтъ продолженія и окончанія этого труда въ бѣловомъ спискѣ, то едвали можно надѣяться, на допечатаніе всего памятника. Творенія Іоанна екзарха Болгарскаго, именно Шестодневъ и Богословіе Іоанна Дамаскина, приготовлялись по древнѣйшимъ спискамъ Синодальной библіотеки, съ которыми какъ и вообще съ Іоанномъ екзархомъ въ первые познакомилъ подробно изслѣдователей

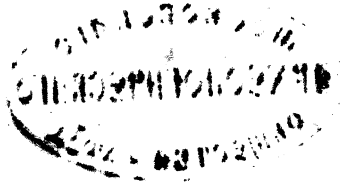
Калайдовичь слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ, и кажется въ полнѣ отпечатаны: нельзя не надѣяться, что этотъ трудъ Бодянскаго появится въ непродолжительномъ времени. Очень было бы желательно найдти въ бумагахъ Бодянскаго и затѣмъ въ изданіи какія нибудь объяснительныя примѣчанія къ напечатанному тексту объ отличіяхъ другихъ списковъ и т. п.

Едва ли этими двумя изданіями можетъ быть завершено все, что нужно и можно издать изъ того, что осталось послѣ Бодянскаго. По свѣдѣніямъ А. Е. Викторова и въ томъ, что передано въ Общество исторіи и древностей, и въ томъ, что осталось у вдовы покойнаго, есть по крайней мѣрѣ кое что замѣчательное— между прочимъ описанія рукописей съ выписками и ученая переписка.

Если бы впрочемъ не оказалось возможности издать и ничего изъ неизвѣстныхъ трудовъ Бодянскаго, то довольно и изданнаго имъ, чтобы оцѣнить его заслуги.

Не много было у насъ такихъ самоотверженныхъ дѣятелей, какимъ былъ Бодянскій, нельзя не признавать его заслугъ, какъ заслугъ важныхъ, достойныхъ благодарности общей.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1878 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)